

Валентин
Сорокин

Благодарение

Поэт
о поэтах

Валентин Сорокин

Благодарение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33832102
ISBN 9785449090416*

Аннотация

Сборник литературно-критических статей, самобытных и оригинальных художественных очерков о русских поэтах и писателях второй половины XX века. Антистандартная, правдивая книга, которая будет полезна всем, кто любит родное слово.

Содержание

Свой почерк	6
Бежит дорога	9
Неповторимая рань	31
Благодарение	58
В этот час	86
Суд на Веге	107
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Благодарение

Валентин Сорокин

Редактор Лидия Андреевна Сычева

© Валентин Сорокин, 2024

ISBN 978-5-4490-9041-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга Валентина Сорокина «Благодарение» (поэт о поэтах) вышла в 1986 году в издательстве «Современник» с предисловием Евгения Осетрова.

Аннотация издательства:

«В книгу «Благодарение» включены статьи-раздумья, очерки-рассказы о поэтах. В них автор осмысливает то, что сделано известными нашими поэтами за послевоенные годы.

Валентин Сорокин через творческие судьбы близких ему людей показывает и свою судьбу. Он как бы раскрывает большой «многоцветный мир современной поэзии. Раскрывает восторженно и благодарно...

Книга рассчитана на широкий круг читателей».

Настоящее издание является перевыпуском книги 1986 года, за исключением трёх глав «Звезда большая,

неугасимая» [О поэзии Сергея Есенина], Богатырь в слове [О поэзии Александра Прокофьева], Взгляд друга [О поэзии Олега Шестинского].

Книгу к републикации подготовила Лидии Сычева.

Свой почерк

Я давно знаю и внимательно слежу за творчеством Валентина Сорокина, поэта, о котором с таким любовным уважением писал, теперь уже в давние годы, мой сотоварищ по редакционной работе – Александр Макаров, один из самых заинтересованных критиков современной поэзии. Гораздо меньше до сих пор я знал Валентина Сорокина как автора литературно-критических опытов, посвященных поэтам и поэзии.

Настоящий сборник статей Валентина Сорокина особенно интересен тем, что в нем пишет о людях и стихах-событиях человек собственного художественного почерка, со своими ярко и отчетливо выраженными пристрастиями, симпатиями и антипатиями. В этом смысле Сорокин уверенно продолжает линию, начатую некогда, литературно-мемуарными и литературно-критическими сборниками Константина Федина, Максима Рыльского, Сергея Наровчатова, Михаила Исаковского, Александра Твардовского. Автор статей знает товарищей по цеху со всеми их творческими и житейскими особенностями.

В самые последние годы заметным успехом пользуются поэмы Егора Исаева, – их читают и перечитывают, они звучат в концертном исполнении, у них огромная читательская аудитория. Валентин Сорокин отлично знает и глубоко

ко понимает поэзию Егора Исаева, пишет о ней по-своему, его взгляд носит сугубо личностный характер. Представление о стихах Валентин Сорокин убежденно и темпераментно дополняет знанием человеческих достоинств, которые естественно объединяет с достоинствами художественными. Возникает многообъемное воспроизведение, дающее нам возможность увидеть эстетическое явление во всей его сложности и красоте.

Перед нами – страстная, заинтересованная речь, скрепленная собственным взглядом и житейским опытом, дающим возможность подходить к словесному искусству с собственными художественными мерками.

Удачна глава, посвященная Людмиле Татьяничевой.

Я не раз выступал в периодике, да и в книгах о стихах и поэмах Татьяничевой и прекрасно вижу, насколько самостоятелен подход Валентина Сорокина к поэту – певцу рабочего класса.

Валентин Сорокин обо всем пишет предельно правдиво, он не сглаживает и не приукрашивает, – все достоверно, психологически точно. Рассказ поэта о Борисе Ручьеве и его стихах позволит нам определить достойное место автора «Индустриальной истории». Валентин Сорокин сам вышел из рабочей среды, из горячего мартеновского цеха.

Статьи носят полемический характер. Поэт называет по именам и фамилиям не только тех, кого он любит, но и тех, чья работа вызывает чувство несогласия. Как ху-

дожник, он несомненно имеет право быть пристрастным.

Книга Валентина Сорокина по своему направлению и сути – антистандартная и, несомненно, заметное событие в нашей духовной жизни.

Евг. Осетров

Бежит дорога

Интересно читать Егора Исаева, интересно его слушать. Яростный, вдохновенный – он зажигает своей страстностью, неординарностью размышлений. Нет в нем размеренности, боязни «израсходоваться», той самобережливости, от которой веет расчетом и равнодушием.

Помню, приехал он к нам в Челябинск, молодой, красивый. Жесты – резкие, пламенные, голос – рокочущий, сильный. Вот Егор Исаев читает поэму «Суд памяти». Читает увлеченно, с полной уверенностью, что так и надо читать поэму, говорящую нам о страшной войне:

– Огонь!
– Огонь!..– На сто дорог
Вдоль западных границ
Вломились тысячи сапог,
Колес
И гусениц.

.....

– Огонь! —
И Герман Хорст
Поштучным,

пачечным,
строчным
С колена бил,
С брони...

Егор Исаев интересен. Мысль его всегда опирается на конкретную жизнь и в устах поэта, по мере накала, начинает гореть, сверкать остроумием, задыхаться жаждой полета.

Однажды я слышал импровизированную поэму Егора Исаева. Поэма текла, бурлила, уходила далеко в иносказания и снова являлась жаркой, напряженной и заполняла собой сердце.

До сих пор жалею: пропало все, развеялось. Сколько раз я говорил Егору Александровичу – надо иметь «постоянный» магнитофон, легкий и комфортабельный, дабы не терять золотого запаса.

Слушать Егора Исаева, говорить с ним – наслаждение, равноправное соучастие в разговоре. Поэт как бы выверяет на собеседнике свои творческие и философские устремления. Его часто можно встретить в кругу братьев по перу и молодых, и маститых.

Судьба у поэта богатая. Мальчишкой – попал на фронт. Прошел войну. Прошел через труд – от поля до завода. Дальше – Литературный институт. И – труд поэта-редактора. А эта работа – скажу по опыту – тяжелая. Тут нужен че-

ловец любящий, понимающий слово. Может быть, поэтому Егор Исаев никогда не навязывает своих замечаний. Он спорит. Рассуждает. Горюет или восторгается.

Поэт всегда в гуще событий, литературных споров. Солдат Великой Отечественной, он с постоянной готовностью бойца и самозабвенной преданностью русской поэзии – пример и опора для молодых.

Поэт Егор Исаев – терпеливый, ищущий старатель-словотворец. От его поэмы «Суд памяти» до новой поэмы «Даль памяти» – десятилетие!..

Он платит за каждую строчку дорогой ценой времени. Не так много им создано. Но то, что создано, будет долго жить и работать на человека. Можно сто раз перечитывать строки, характеризующие Хорста, завоевателя:

Вперед!
За жизненный простор!
И я
Стрелял и топал,
Да так, что шаг мой до сих пор
В печенках у Европы.

И «Суд памяти», и «Даль памяти» – боль поэта, протест его против насилия. Поэма вливается в поэму, как речка в речку, как волна в волну.

Жестокость к другу – благородство души. Не забуду, как после окончания Высших литературных курсов, уезжая в Саратов заведовать поэзией журнала «Волга», я зашел к Егору Исаеву попрощаться. Долго мы гуляли около здания Литературного института. Егор Александрович восклицал: «Нет тебя со вкусами личными, привязанностями личными. Нет! Ты редактор. У тебя в руках власть. Сохранить, конечно, надо себя, надо! Но не за счет „убиения“ других. Люби других – сам вырастешь! Ты – отдел поэзии. Целая республика! Ты – для всех. Но не все – для всех, не все! Четкость. Строгость. Объективность. Вкусы и вкусовщина – дома. У себя – в тетради, но не в чужой рукописи. Запомни!»

Тогда мне его советы очень пригодились. И как я убедился за многие годы работы с литераторами, субъективизм, «сытость» суждений, эгоизм – злейшие враги творческого человека. Можно загубить юную душу, юное вдохновение и равнодушием, и собственной вкусовщиной или «правотой».

Словом, сдержанность педагога нужна и в ласке к автору, и в строгости к нему.

Простота обращения с братьями по слову – признак внутренней свободы поэта, достоинство его. В нашем ремесле должна быть открытой и светлой душа. Все мы – солдаты единого поля битвы по имени Поэзия. Огонь ее пепелит наши волосы, а свет ее обжигает наши души.

Егор Исаев всегда помнит, что к той воронежской земле, где он родился, прикоснулись сердцем Кольцов, Ники-

тин, Бунин и другие поэты и прозаики, чьи имена стали гордостью нашей литературы.

Сейчас в Воронеже живут и работают прекрасные писатели – Гавриил Троепольский, Юрий Гончаров, поэт Владимир Гордейчев...

Егор Исаев родился в 1926 году. Десять лет нас отделяют друг от друга. Это годы, между которыми пролегла война. Егор Исаев вынес эту войну на себе, а я знаю о ней лишь по рассказам отца, по книгам. Память и суть слова Егора Исаева неспроста обращены к прошлой трагедии:

Вы думаете, павшие молчат?

Конечно, да – вы скажете.

Неверно!

Они кричат,

Пока еще стучат

Сердца живых

И осязают нервы,

Они кричат не где-нибудь,

А в нас.

За нас кричат.

Особенно ночами,

Когда стоит бессонница у глаз

И прошлое толпится за плечами.

Надо иметь большое сердце, чтобы так мужественно

и громко говорить о пережитой боли народа, боли земли. Голос Егора Исаева звучен и прям. Истина, открытая поэтом, вечна.

Поэмы «Суд памяти» и «Даль памяти» не могли родиться на свет без преемственности и высоких достижений в мастерстве всей нашей многонациональной современной поэзии, и, прежде всего – русской классики.

В самую трудную пору, когда царское самодержавие всячески пыталось лишить русский народ влияния Радищева и Пушкина, Гоголя и Лермонтова, на земле Алексея Кольцова зазвучал искренний голос Ивана Никитина.

Иван Саввич Никитин явился как бы по горестному зову народа: ни один русский поэт до Ивана Никитина и после него не был так слитен психологией и судьбой с родным народом. И в этом – особая главнейшая черта яркого и размашистого таланта Ивана Никитина.

Даже в обычном пейзаже, нарисованном поэтом, чувствовался огромный, до предела напряженный мир страстей и ожиданий, мир предсказания и торжества:

Дремлет чуткий камыш, тишь, безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, на лиду тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.

Живое ощущение природы Иван Никитин выразил точно и до удивления эмоционально. Он первый из всех русских поэтов определил своим даром и словом ту грань, где соединяется высшее духовное настроение сердца и разума с отчим простором, с Родиной...

Опираясь на великие творения предшественников, зная быт и язык, гражданскую и ратную славу Отчизны, Иван Никитин основательно и неопровержимо сблизил речь поэта с речью народа.

Частушечное, песенное, одовое, былинное начало строфы, безусловно, пришло к нему из самых сокровенных глубин простой и неодолимой в своей правоте жизни народа:

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью!
Встать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

Песни Ивана Никитина пронесли через исторические и социальные бури В. Брюсов, А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин и известные советские поэты: М. Исаковский, А. Прокофьев, А. Твардовский, Б. Ручьев и многие другие,

кто черпал из щедрого никитинского родника светлые силы вдохновения.

В наши дни значение творчества Ивана Никитина не только не уменьшилось, но и возросло. Если высшая офицерская знать старалась увидеть в поэте «прозревшего» плебея, требующего братства, то великий русский народ накрепко признал в нем певца и наставника, утвердив его, как выдающегося мыслителя и гражданина, в семье равенства и многонационального единства.

Никитинская любовь к отчету слову, его верность родному народу сегодня развивается и утверждается. «Даль памяти» Егора Исаева – прямое продолжение разговора о человеке и его назначении на земле. Неспроста начало поэмы так внезапно и смело, что мы не сразу понимаем, почему поэт начинает повествование такой строкой:

Ко мне приходит облако.

С рожденья

Оно мое,

Оно идет с полей

Не по течению ветра,

По велению

Души моей

И памяти моей.

По велению души... За громом войн, за ревом реактив-

ных лайнеров ныне трудно сохранить первозданную восприимчивость человека к природе, ту, что так щедро дарил нам Иван Никитин.

Егор Исаев одним из первых попытался заговорить стихами о необходимости сохранить первородную свежесть чувств, без которой нет самого человека.

Очень интересна глава «Домой, домой...». Она построена на рассказе о том, как мальчик, а потом – подросток живо окружает себя травами, дождями, облаками, как он вращается в землю, в небо, в звездные дали... И не по чьей-то подсказке, а сам понимает пульсирующую кровь природы, видит глазами и пьет горлом движущийся мир жизни листа, соловья, звезды:

А травы те
Тогда густыми были
И рослыми не по моим летам,
Они, как ливни, под рубаху били
Из-под земли
И сверху,
Где-то там,
Над головой,
Под самым синим небом
Цветки свои качали, не дыша...

Егор Исаев любит довести образ почти до подлинного его состояния, чтобы читатель постиг этот образ, чуть ли не потрогал его руками... Поэтому «Даль памяти» надо познавать медленно. Поначалу поэма кажется несколько «унесенной» от горячей круговерти дня, от наших забот, а когда всмотришься, «вдышишься» в нее, тогда-то и откроется она перед тобой, как степь, как море, как мощное ветровое пространство...

Неделимость малого и большого миров – главный мотив поэмы. Росинка среди рос, звезда среди звезд, человек среди людей – живут и действуют по единому закону мироздания. Егор Исаев и сегодня обращается к нам с теми же глобальными вопросами времени – как спасти все доброе и вечное на земле, в собственной душе.

От кованных строф поэта веет великой, клятвенной любовью к истории нашей страны, к ее народу.

Душа поэта то поет, то мятежничает о правде жизни, о красоте ее, о тайне рождения, жизни и смерти. Но личность не рождается сама по себе. Она приходит из недр народных, вскормленная и выхоженная народом. Как степные версты, как горные цепи – от первой, небольшой и до последней, самой высокой вершины, как шаги рожденного жить – все подчинено движению народа, его истории, опыту народному.

Какой-то факт, необычный случай – вдруг дают понять, что:

Горит в моем горнильце
Запазушное солнышко мое
Чуть что – я тут! —
напомнит под рукою,
Не вечное,
Но вечному сродни:
Они вдвоем в заздравном непокое
На вырост мой раскатывали дни.

Маленькое солнышко – сердце и большое вселенское сердце – солнце вдвоем работают и растят человека в человеке. Так образно, несколько гиперболизировано, заявил нам поэт.

Если поэма «Суд памяти» – речь страстная и обличительная, горькая правда воина, отстоявшего личное право на жизнь и на Отечество, то «Даль памяти» – забота, стремление убедить людей в реальности светлой и счастливой человеческой судьбы, если эта судьба не будет подвержена злу, варварству...

Мы привыкли к расхожему суждению: чем больше пережил человек, тем глубже и мудрее он постигает жизнь. Но ведь есть где-то предел этому грустному принципу?! Неужели человечество никогда не достигнет такой черты, такой высоты, когда исчезнет необходимость подразумевать эти условия, в которых якобы происходит очищение той или иной человеческой личности?

Пословицы, поговорки, сказки всегда были направлены против зла, против черной недоли и лжи. Песни, гимны, былины – это оды правде, свободе, красоте личности. Осмысливать сегодняшнее – значит учиться на прошлом опыте народа. Как царевна-лебедь из волны, так герой выходит из народа. Поэма «Даль памяти» ценна тем, что в ней очень щедро используются жизненные «уроки» простых людей – от старшего брата до отца, деда, используется мудрость всенародная. Например, в главе «Посвящение в мужики» лирический герой лихо поднял в «галоп» рабочего коня, и колхозники заволновались: конь-то рабочий, зачем на нем гарцевать и ублажать собственную удаль?... Деталь вроде бы и небольшая, но о многом говорящая. Не перевелись и в наши дни лихие «умельцы» праздно посостязаться— кто раньше прискочет к трибуне или к плакату... Земля стонет от таких крикунов-наездников.

Но захлестнула парня минутная удаль, размечталось ему на глазах у зазнобы Клавы.

Грубость и поправление благородства люди никому не прощают:

На что Рудяк – мужик добрей чем добрый,
И тот, как идол до святой Руси,
Окаменел.

.....

– Резвисси, значит?

А на ком резвисси?!

Поизмывался, шачит, над конем!.. —

И что ни слово —

Кнут без кнутовища,

Да сыромятным

по глазам

огнем!

Да по душе – восторженной! —

По нервам...

Люди знают, что грешно резвиться на чужой боли... Однако, беря во внимание честную и ухватистую сноровку лирического героя в косьбе, мужики посвящают его в мужики: «и зарвался, а в целом-то парень хороший...»

Поэма – мудрая. И не зря ее автор прошел трудный, кремнистый путь поэта. Это еще одна страница в книге лучших поэм нашего народа. Поэма традиционна, зависима от всех славных русских поэм – в святом и непреложном понимании этой сути. И сам Егор Исаев – традиционный человек. Родился в деревне. Учился. Пахал. Сеял. Жал. Воевал с врагами Родины. Биография Егора Исаева – биография труженика, биография бойца.

Егор Исаев воспитывался сам и теперь воспитывает других на опыте старших поэтов – Николая Тихонова, Александра Прокофьева, Владимира Луговского, Николая Асее-

ва, Александра Твардовского. Не забывает он и фронтового поколения поэтов – Алексея Недогонова, Михаила Луконина, Дмитрия Ковалева, Сергея Наровчатова, Михаила Львова.

И разве можно не уважать в нашей современной поэзии путь Василия Федорова или Бориса Ручьева, Сергея Поделкова или Николая Тряпкина? Павел Васильев и Борис Корнилов, Петр Комаров и Павел Шубин – притоки единой реки по имени – русская поэзия...

Егор Исаев народен своей честностью, своей позицией. Народен умением рассказать, поведать с юморком о серьезном, с ясностью о мудренном. Об индустриализации страны он рассуждает почти весело, и мысли его сразу же становятся нам понятными:

И что ж – прочли,
Дознались,
Домечтали,
Свели с огнем железную руду,
И вот она
Грохочет —
Сталь по стали, —
Индустрия на собственном ходу.
– Иду!.. Иду-у!.. —
Раскатисто и ходко
По магистральным

шпарит
колеям!..

Эти строки запоминаются. Непринужденность и подвижность, обычность в новизне и новизна в обычности речи – есть признаки высокой школы, мужественного терпения в работе...

Способность «трансформировать» народную пословицу, поговорку или загадку в стих – завидная способность.

Вот как Егор Исаев описывает «тягловую силу» в стихе:

А трактор взять?
По тягловому делу
Он все равно что
сродственник коню.
Идет.
Гудет,
Обходит всю сторонку.
Без хомута,
А держится возле.
Весь городской,
Железный весь,
А вон как
По-деревенски
Ладится к земле...

Идет-гудет – рифмующиеся слова и сам тон стиха зовут к загадке... А мысль, весь городской, «железный весь, а вон как по-деревенски ладится к земле» – отповедь тем «философам» от литературы, которые до сих пор не оставили умысла – разделить современных литераторов ложными знаками «городской», «деревенский», разделить современную литературу на ведомственные «районы».

Деревня испокон веков вносила в города России свежую струю, свежую рабочую силу. Бывшие деревенские паренки становились сталеварами, экскаваторщиками, хозяевами прокатных и мартеновских цехов. Моя родина, Урал, – весь теперь индустриальный, а когда-то из деревень и хуторов сходилась народ к доменным и мартеновским печам...

Егор Исаев в поэме «Суд памяти» хорошо показал единство жизни села и города, единство людских забот. В поэме же «Даль памяти» эта линия вырисовывается еще острее. Глава «Кремень-слезы» – неопровержимое подтверждение этих мыслей. Возле кремень-слезы и дед, бывший буденно-вещ, качает головой, и мать-крестьянка остановилась в раздумье, и молодой гармонист-ухарь наклонился над чудом...

Глава «Кремень-слеза» – заглавная в поэме, ее вершина и ее маяк. Она – глава единения всех других глав.

В этой главе сошлись все действующие герои поэмы, со своими страстями, бедами и надеждами. В ней слились

и зазвучали единым хором все страсти и порывы самого поэта. И, конечно же, кремень-слеза не что иное, как земля:

Земля везде:

И сверху, на земле,

И под землей,

И над землей – она же,

Как день и ночь,

Как берег и волна,

Как хлеб и соль...

Не чья-нибудь, а наша

Земля-сторонка

И земля-страна

Просторная

И в сторону Сибири,

И в сторону кронштадтских маяков.

Родная вся!..

Поэма не терпит суеты. Поэма «Даль памяти» – это повесть, роман в стихах. Написать такую поэму – совершить подвиг. Она действует на память, на чувства неотразимо и высоко.

Когда появляются такие произведения, наша русская и вся многонациональная советская литература в целом как бы делается выше ростом, шире расправляет плечи...

Размах замысла, пронзительность слова – счастливые

свойства поэмы «Даль памяти», но даются эти свойства только большим мастерам. Егор Исаев говорит своим словом о судьбе народа, государства на примере жизни братьев и отцов. Работа эта ответственная, государственная...

Переводы Егором Исаевым стихов братских поэтов – большое дело для нашей многонациональной поэзии.

Звучит в русских залах чувашская поэзия Якова Ух-сайя, донесенная до нас русским поэтом Егором Исаевым:

Белый снег
И синий иней.
Изумрудный зов лесов,
Очертанья плавных линий
Птичьих крыл
И парусов.

Любовь поэта к другу-поэту, любовь к чужому языку и распахнутость души дали поэту силы и мужество в работе над поэмами «Суд памяти» и «Даль памяти».

Оба поэта как бы «нашли» друг друга, породнились между собой, по-новому взглянули на свои народы, на их культуру, историю, на сегодняшний день.

Прозаик и поэт, переводчик и публицист – в наше время нередко представляет одно лицо. Пушкин и Некрасов, Лермонтов и Толстой, Горький и Маяковский...

Иногда раздаются голоса: «А что он может понимать, скажем, в детской литературе, он же романист». Или: «Он же поэт для взрослых!» Мещанское, обывательское отношение к делу или продуманное стремление «оторвать» друг от друга жанры, чтобы проще было «творить» тем «переводчикам», тем «специалистам» и тем «детским писателям», которые кроме «детскости» ни к чему не способны.

А литература одна! Слово едино, кому бы оно ни предназначалось.

Вспомним Пушкина:

Ты волна моя, волна,
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь...

Или вспомним ершовского «Конька-горбунка», есенинского «Пастушонка Петю», вспомним удивительные рассказы Бажова, лирические картины Пришвина, – неужели так «выхолостилась», так «обособилась» душа писателя, поэта, что, кроме читателя определенного толка и возраста, автор не может никому другому адресовать свои произведения. Я понимаю, что, исключая из поля зрения переводы, Самуилу Маршаку действительно нечего было рекомендовать из своих творений взрослым людям. Та же ситуация и у Агнии Барто. Но разве только этими именами исчерпываются достиже-

ния русской современной литературы?..

Дело тут, скорее, в широте и мере таланта, а не в привязанности к одному какому-то направлению, методу и т. д.

Очень тонко и прямо-таки саркастически высказался по этому поводу Василий Федоров:

Говорят, моя строка
Детям – хуже яда.
Детям дайте Маршака,
А меня не надо...

По форме изложения и по сюжету поэма «Даль памяти» – как бы самостоятельная книга. Думалось: что скажет Егор Исаев нового, куда поведет своих героев, сохранит ли ту стремительность и порывистость, которая подняла и окрылила поэму «Суд памяти»?

Да, новые герои – новые задачи!.. И та же деспотическая манера автора доводить слово до звонкого каления, чтобы оно с предельной точностью и ковкостью накрепко связало строку:

Не высветить с высокого порога,
Не перелить т протяжные слова.
Бежит, бежит
Полночная дорога,
Как чья-то вековая вдова.

Дорога памяти не дорога ли жизни? Через ручьи и речушки, через луга и равнины, через селения и города ведет человека дорога:

Ты не гадай —
Иди к ней и потрогай,
Уж раз ты недоверчивый такой.
А что дорога?
Ясно, что дорога —
Она, что руль, что вожжи под рукой,
Везет свое — навалят, не навалят —
Торопит неотложную версту.
Она и ночью до свету дневалит
У памяти великой на посту.

В этой поэме — покой большой и чуткой души поэта, способной выдержать и скоростную нагрузку века, и благодарное возвращение мыслей к истории народа...

Покой этот внятен и необходим, ибо только при нем, благородном спокойствии духа, можно по-хозяйски решать насущные проблемы земли. Порой кажется: никакая другая Родина не способна сообщить человеку столько чудесной тоски по тайнам жизни и мироздания, дать столько сил и воли на преодоление высот судьбы личной и коллективной судьбы-высоты!..

Поэма Егора Исаева «Даль памяти» рассказывает нашему народу о трудовом поле, о горячем заводе. Через прожитое — зовет в грядущее, через память — идет к будущему.

Ныне колхозное поле — индустрия. Техникой, хозяйским поведением на земле — люди села и города едины. Их земля, их судьба, история — и ратная, и трудовая — тоже едины. Не верю в писателя-кустаря, воспевающего онучи и лопату! Его иной раз где-то выкопает какой-нибудь полемист и уличает им чуть ли не всю нашу советскую литературу.

Еще Алексей Кольцов, знаменитый земляк Егора Исаева, раздумывая над жизнью человека, говорил:

Идут невозвратно
Века за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
«Чем кончилось дело?»
«Вопроси другого», —
Каждый отвечает.

Алексей Кольцов... Иван Никитин... Иван Бунин... Щедро воронежская земля. Высоки ее таланты. Земля — русская, срединная... И по этой срединной земле — бежит, бежит дорога...

Неповторимая рань

Невысокий и сухощавый, он производит впечатление человека доброго и спокойного. Но это лишь первое и весьма короткое впечатление.

Резковатые черты лица, резковатые жесты, когда Дмитрий Ковалев пытается что-то доказать или переубедить собеседника, динамичность формулировок и какая-то, я бы сказал, горькость взгляда – факты, говорящие о том, что человек этот много видел, много пережил.

И потому аллегорично звучат его строки, которые легко можно отнести к живой человеческой судьбе:

Тут град побыл.
Все потоптал, побил,
повыжег
Посевы жизни,
Самый цвет ее.
И стал от смертных тел
Курган повыше —
Где невозможно забытьё.

Биография Дмитрия Ковалева схожа с биографиями поэтов, которые вышли из самых народных глубин, где работа и хлеб – вечные святыни, а доброта и честность – основа

взаимных отношений между людьми.

Поколение Дмитрия Ковалева созрело перед Великой Отечественной:

Сладко в юности спится —
Да поспать было некогда в юности.
Очень лунно бывает —
Но мы не увидели лунности.
Голосисто поется —
Но хрипло, простуженно пели мы.
Беззаботно живется —
Но об этом узнать не успели мы...

Это поколение – поколение пахарей, конструкторов, поллярников, поколение, окончательно утвердившее понятия: наш танкист, наш летчик... Так мало их ныне, рядовых и командиров, вместе с отцами и старшими братьями отстоявших Москву и Сталинград, Воронеж и Киев, Севастополь и Минск:

До начала суток – два часа.
Мы уходим.
Снег дымит прибоем.
Ночь безлунна.
Звезды – как роса.
Пожелай удачи перед боем.

Пожелай того,
Что всем желанно:
Пожелай победы над врагом...

Когда я думаю о них, восемнадцати-двадцатилетних, погибших у стен Бреста и Новороссийска, у берегов Черного и Балтийского морей, какая-то тяжелая и долгая боль вкалывается в грудь, и нет покоя – ни чувству, ни совести, ни разуму.

Поэт Дмитрий Ковалев активный, боевой, матрос-фронтовик, поэт, в чьем творчестве от сороковых до семидесятых годов отобразился путь, пройденный родным Отечеством:

Далеко оно,
Фронтовое житье,
Года тревог и разлук.
Говорят, узбекское имя твое
Означает по-нашему «друг».
И ты настоящим был другом мне,
Хотя я тебя не знал.
Походную жизнь ты узнал на войне,
В землянке стихи писал.
Я был в Заполярье, матрос рядовой,
Когда у села моего
Твой путь оборвался
И холм небольшой

Вырос в конце его.

Поэты войны, как солдаты, верны в дружбе, порывисты в подвиге, неуступчивы в бою. Разные по возрасту, они все – равны по славе ратной: Сергей Наровчатов и Михаил Луко-нин, Василий Субботин и Сергей Поделков, Алексей Недо-гонов и Павел Шубин, Михаил Львов и Виктор Кочетков, Сергей Орлов и Дмитрий Ковалев, Алексей Марков и Лео-нид Решетников.

В поэзию Дмитрий Ковалев явился не из шумной полеми-ческой аудитории, а вошел убежденным и сильным – от плу-га и наковальни, от дымной окопной черты, вошел так, как входит труженик-хозяин, работяга-воин:

Прошел фронты неповторимой ранью.
Был ранен там – а кто там не был ранен?
Принес с войны две боевых медали —
А у кого тогда их не видали?
А что, вернувшись, в плуг впрягался, тоже
Повинен враг – он тягло уничтожил.
А что теперь считаете богатым —
Так до богатых нам еще куда там...
Живет же человек такой на свете:
Ответит – будто бы за всех в ответе.
Живет не как бог на душу положит,
И никакой червяк его не гложет.

А может, лишь одно его тревожит —
Что не вернется день, который прожит.

Родительский дом Дмитрия Ковалева — обычный много-
семейный дом, где если не витала постоянная пасмурь голо-
да, то и не жила сытость: отец поэта — кузнец, мать — кре-
стьянка. Запомнилась Дмитрию Ковалеву от детства кузни-
ца, ежедневная, до пота, работа отца, бессонная забота ма-
тери о будущих сеятелях и защитниках кровной земли:

Все отняла война:
Двух братьев,
Вести
От матери,
Всю молодость сполна.
Черезо всю страну
С тобой мы вместе.
Хоть этим
Осчастливила война.

Внешняя негромкость судьбы и родословной Дмитрия Ковалева породила и негромкий характер творчества самого автора. Но эта внутренняя собранность души поэта и есть благодатная и благородная натура, сильное движение слова.

Издrevле на Руси порядочность была обыкновенным до-

стоинством народа, а нравственность – рядовым и привычным фактом, что и спланивало наш народ в години черных бурь, братало в дни праздничных весен...

Дмитрий Ковалев часто обращается благодарной памятью к поэтам старшего поколения.

Его статьи, посвященные творчеству Василия Федорова, Егора Исаева, Юрия Прокушева и других литераторов, его горячее участие в дискуссиях и спорах – прямое подтверждение душевной щедрости и широты, пример уважения к почтенному опыту ветерана, к новому успеху собрата.

Нельзя быть всеядным ни в жизни, ни в поэзии, но и современный борец-одиночка вряд ли кому нужен со своими жалкими атрибутами познания и вкусовщины:

Когда с собою не ужился,
Ты не спеши на боковую
А приходи на Беговую
Ко мне —
Я тоже не ложился
Столица!.. Все в ней невчерашнее,
Все очертания летучи
В огнях Останкинская башня
Проходит, не спеша, сквозь тучи.
Глазам близка ее далекость,
Ушам слышна ее неслышность.
Легка на высоте нелегкость.

Подвижна в небе неподвижность.

Очень тонко Дмитрий Ковалев дает понять невидимому другу о сложности, переменчивости судьбы, обстоятельств и удачи, но сквозь зыбкость и подвижность мира поэт верит в надежное завтрашнее утро, в нужный час призвания. Поэт пытается как бы успокоить собеседника неопровержимыми доказательствами:

Но мира нет, хоть враг повергнут.
Хоть нет сирен, тревога будит
И лампы на заре померкнут,
И на земле тишайше будет.

Тревога поэта – его честность и желание не отдалиться от родного народа, не забыть его горестей, не остаться в стороне от его радостей. Поэт в народе – лист на ветке дерева: дерево гудит – лист трепещет.

Если внимательно присмотреться к музе Дмитрия Ковалева, то несложно заметить ее застенчивость, ее извечную русскую стыдливость – качество, коим отличается неиспорченная душа, о чем так метко и коротко сказал сам поэт:

Как медленно плывут колосья волнами
Не нагладишься – хоть до ночи стой.
Как низко-низко

Кланяются полные
Как высоко заносится пустой.

Застенчивость Дмитрия Ковалева – мука раздумий и утрат, застенчивость мудрого человека, осознание того, что за пределами достижимыми лежат они, другие пределы, вечные и бескрайние. Любовь и ненависть. Жизнь и смерть. Чужбина и Родина. Свет и тьма. Человек без муки совести – человек без прошлого. А человек без прошлого – существо довольно опасное. Это – ядерная течь, готовая взорваться в любое мгновение. Ему, этому человеку, не жаль потерять славу предков – ее нет; ему не жаль лишиться Отчизны – он ее не знает. Ему не жаль утратить язык – он не его, а лишь приобретенный предмет для пользования на сегодняшний день. Да и себя он жалеет не обычной жалостью человека, а какой-то синтетической смесью жалости, эрзацем жалости.

Устойчивость Дмитрия Ковалева в том, что он рассматривает человека в его связи с историей, с эпохой. Минута и вечность – понятия осязаемые, а не символические. Традиции чувства и слова, причастность к делам Отчизны – факты реальные:

За путями в молчанье своем
Чаша памяти вечной встает.
Мне о том,
Что не вечно живем,

И сегодня забыть не дает.
Свет включаю под утро всегда,
Но такой, что углы не зальет.
Мыслью занятый, гляну туда:
Спит Есенин,
Но синью завет.
Спят Тропинин и Даль там давно,
И Саврасов, и Суриков там...
Разве им, как живу, все равно
И каким поклоняюсь местам?..

У трактора или у тепловоза – нет Родины. Их можно «родить» всюду: в Америке, в Китае, в Замбии...

Они не слышат запаха родного дома – у них его нет, они ни о ком не тоскуют – им не больно. Но я встретил однажды человека, перед которым дрогнуло мое сердце.

Вращая мутными глазами, причмокивая мокрыми губами, потный и лысый, он хрипел: «Пр-рилетел из Пар-рижа, из Пар-рижа, а сейчас качу в Ту-лу, качу в Ту-лу, а из Тулы – прямо в Амстер-рдам, прямо – в Амстер-рдам! Летаю – гляжу-у! Летаю – гляжу-у! Летаю – гляжу-у! Пи-ше-ется! Пи-ше-ется!...»

Нет, нельзя стать добрым, если рядом нет добрых. Нельзя стать храбрым, если рядом нет храбрых. Нельзя стать верным, если рядом нет верных. Так и будешь прыгать: из Тулы – прямо в Амстер-рдам!.. Вся земля для него – ниче-

го не стоит, лишь бы он успел перескочить из Ту-лы в Ам-стер-рдам!

Но у человека-патриота заботы человеческие: ему надо сберечь дорогое чужое, как свое кровное:

Опять шпионы и границы.
И, как Испания, Вьетнам.
Работоторговцы!
Пыл в погоне,
Азартный куш, как на паях.
По жизням, как на полигоне,
Сердец мишени на полях.
И только кровью бы упиться.
Им эта новость не новей.
Успели вырасти убийцы
Скорее наших сыновей.
Чтоб только атомная копоть,
Тясячелетья чтобы вспять.
Бесчеловечность жадно копят
На человечество опять.

Застенчивость – всегда таит в себе старание почувствовать то, что рядом с тобою, разглядеть, что за тобою, отобрать для души и для жизни самое нужное, самое необходимое: верность доброте, непокорность злу, любовь к большому и светлому миру:

Бывало, мой дед топор откует —
И плотник
И дровосек
Ликуют.
Зато из-за речки,
Лишь станет лед,
Являлся к нам лесник в мастерскую.
– Знаешь, Трофимыч, знаешь.
Не спорь..
Три дуба в ночь свезли от болота.
Какому ты вору ковал топор? —
И дед отрезал:
– Не моя работа!

Добрая работа – для доброго дела. Добро не родится от черного умысла. Но добро и мобилизует все силы протеста и ненависти, если на него посягнули зависть, разбой, вероломство.

Так было. Так есть. Так оно будет:

Живые на земле живут не праздну:
Кто сеет хлеб,
А кто – чуму.
Обманут подло
Веривший напрасно.

Опасен —
Кто не верит
Ничему.

Нельзя не согласиться с этой истиной, высказанной по-этом. Равнодушие не воскрылится от золотого и звучного рассвета, не затоскует от осеннего шума дубравы, не заплачет над бедою товарища. Равнодушие холодно и безоговорочно выносит оценку всему. У равнодушия нет лица, нет голоса. Оно — мутно и расплывчато, как мгла, ползущая из ущелий, как отрицание, не ведающее сомнений...

Однажды мы вместе с Дмитрием Михайловичем прямо из Литературного института, где он вел семинар, поехали в Коломну выступать перед читателями. По дороге завязался горячий спор. Один студент, начинающий поэт, начал грубо ругать стихи Бориса Пастернака. Дмитрий Михайлович попросил студента объяснить — как он понимает творчество Пастернака, но, обнаружив, что студент только в общем плане представляет себе творчество поэта, возмутился и за весь путь не сказал ни слова...

Мы не знали, нравился Дмитрию Ковалеву Борис Пастернак или нет, суть в том, что пустопорожняя болтовня невежды — зло: сам Дмитрий Ковалев завоевал себе авторитет поэта не склоками и шумом, а упорным и честным трудом подмастерья и мастера.

Александр Твардовский или Василий Федоров добились

известности и высокой любви читателя своими яркими произведениями, а не перекрестными «дискуссиями», и «диспутами». И если кто-то, лишась «критического» подогрева, немедленно канет в небытие, то настоящий талант и без «гальванизации» заметен и действен.

Еще Добролюбов в статье о Кольцове говорил: «Поэзия основывается на нашем внутреннем чувстве, на влечении нашей души ко всему прекрасному, доброму и разумному. Поэтому ее нет там, где участвует только какая-нибудь одна из этих сторон нашей духовной жизни, подавляя собою обе другие. Например, прекрасно сшитый фрак, как бы он ни был прекрасен, не заключает в себе ничего поэтического, потому что тут нет ничего ни доброго, ни умного. Точно так — отдать в назначенный срок занятые деньги — дело доброе и честное, но оно не заключает в себе поэзии, потому что мы не видим в нем ни особенного умственного развития, ни изящества...»

Посмотришь, иной критик напишет статью о каком-нибудь поэте так, будто отважился отдать вовремя занятые у этого поэта деньги... Недаром Дмитрий Ковалев так грустно говорит об этом:

Мои березы,
Я без вас болею,
Я жить без вас,
Наверно, не смогу!

Чем больше вас чернят —
Тем вы белее,
И утро все в березах,
Как в снегу
Перед нестыдной
Вашей наготою
Остолбенело солнце,
Льнет к росе.
И словно бы
К защите наготове,
Стоят дубы
В воинственной красе.

Постоянная готовность защитить светлое, человеческое — главная песня Дмитрия Ковалева, главная мысль его творчества, вобравшего в себя и суровость военной поры, и напряженную работу соотечественников мирного времени.

Дмитрий Ковалев живет полнокровной жизнью гражданина и поэта. Принципиальность и смелость, убежденность и откровение — его пособники в работе, его опора в раздумьях над жизнью:

Отликовал,
Отцвел
И канул
День наслажденья

С милой,
С милым...
А мы с тобой —
Перед веками,
Перед собою,
Перед миром.

Творчество Ковалева всегда обозначено ответственностью перед людьми, перед собственной честью за все, чем одарила его жизнь, чем нарекла и что вверила ему земля отцов и дедов. Он в порыве продолжает:

Нам друг от друга
Не избавить,
Не отвести,
Как ветвь от ветви.
Спасибо времени
За память
Его мы осязаем ветры.

Философская лиричность вообще свойственна стихам Дмитрия Ковалева, отмеченным ветром юности и любви, удивлением перед красотой женщины, перед ее статью и нежностью.

Солдат, поэт, Дмитрий Ковалев через грохот орудий и дым пожаров поднял и не дал погасить никакой буре чу-

до-огонь. Крылатое признание сердца сердцу:

Все видится
Закрытыми глазами,
Все любит:
Руки, губы и колени;
Дыханьем,
Шорохами
И слезами,
Улыбкой...

Светлая привязанность и постоянство, может быть, и есть то чудо любви, которое тысячелетиями постигает человечество. Поэт Дмитрий Ковалев не пытается разрешить тайну любви, он только трепетно говорит – признается об ощущении этого чуда, этой околдовывающей тайны:

Снилось мне,
Что в тундру ты пришла.
Все уснули.
И костер погас.
Чуть курилась легкая зола.
И никто-никто не видел нас.
Часовой поодаль
Строг и тих.
Я сиял,

Себе не веря сам:
Пламя недоступных губ твоих
Прикоснулось вдруг к моим глазам.

Стихотворение написано в 1943 году. Воин-поэт с удивительной нежностью и тактом, как бы переводя дух, продолжает:

Я открыл глаза —
Тебя уж нет.
Солнечная ночь была длинна,
И молчал суровый край в ответ.
И пошли мы в бой:
Была война.

На севере, политом кровью друзей-матросов, Дмитрий Ковалев, оглядываясь назад, припоминает: что же произошло в этом свинцовом вареве войны? Куда девалась его удаль и сила? Кто покинул его, кто спас?

И повествование спешит дальше, туда, к вечному чуду, к любимой, к ее ослепительному образу:

И в разгар атаки
Между льдин
Я упал,
Где тощие кусты.

Все ушли вперед.

А я – один.

Звал тебя,

Но не слыхала ты.

Как зола на угли,

Пала мгла

На глаза мои в мгновенье то.

Я заснул —

И снова ты пришла,

И не видел нас

Никто-никто...

Кажется, невозможно представить нам, мужавшим после войны, подобное целомудрие...

Ныне упрощаются многие понятия, привычки и ритуалы. А кое-кто хотел бы «упростить» и священное отношение к любимой, к матери, к Родине, ибо все это связано единой болью, единым дыханием человеческой верности и красоты. Но верность и красота не так уж и беззащитны перед пошлостью и жестокостью. Только эта убежденная верность помогла нашему солдату выстоять и победить. И если бы нашлись на планете силы, способные разрушить эти качества человеческой натуры, они бы разрушили само человечество.

По отношению к женщине – можно определить отношение поэта к жизни, к Отечеству. В пору любви соловей умирает от разрыва сердца – горло певца не выдерживает пла-

мени чувств.

Женщина – лицо земли, на которой ты родился, которую тебе предстоит защитить и возвысить.

Сколько раз я слышал, как опустошенные проходимцы и циники изошрялись в анекдотах над этим святым чувством, но все их изощрения лишь свидетельство того, что души их пусты и сыпучи, как барханы, не освеженные ливнем, кочующие по рыжим равнинам смерти...

И нельзя не поверить поэту, когда он говорит:

Весь век,
Всю жизнь
Куда-то уезжая,
– Боюсь владеть:
Владеют, не любя.
Боюсь к тебе привыкнуть
Без тебя...

В нашей современной поэзии нет-нет да и вынырнет из полемической «пены» литературных «бурунов» розовая физиономия обывателя, этакого Дон-Жуана с червонцами в кармане и с неувядающим запахом ресторанных кухонь...

Эта гладкая и жизнерадостная физиономия внезапно возникает перед красавицей на улице, в магазине, в кино, в театре. Она, эта физиономия, преследует красавицу в трамвае, в метро, в самолете, потом, вдохновясь, эта возбужденная

физиономия оповещает о «победе» в стихах, в поэмах, лезет с «темой любви» на сцены и на экраны, требует к себе внимания...

Для этой одутловатой физиономии любовь – что-то вроде небольшой, но забористой щекотки...

Это та самая физиономия, которая мчится из Тул-лы прямо в Амстер-рдам! Это ей пише-ется! Пише-ется! Да, пишется, но никогда не поется!..

Помните, у Сергея Есенина:

Любимая!
Я мучил Вас,
У Вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред Вами напоказ
Себя растрчивал в скандалах.

Нельзя ничего уважать – с завязанными глазами и с застегнутым сердцем...

Верность и красота рвутся из сердца поэта:

...Люблю!
Люблю тебя, Россия!
Пусть слышит мир,
Как я тебя люблю!..
Остерегают:

Это, мол, поссорит...

Зачем так громко?

Это ж не союз!

Не всякий крик

И ссорит,

И позорит.

Войну прошедший,

Вас я не боюсь.

Дмитрий Ковалев оригинален не только своей особой философией творчества, но и конструкцией строфы, ее композицией, ритмом и размером строки.

Ему удаются стихи материального, фактического плана, где образность на виду, где слова диктуются жизнью, а не холодным желанием отметить увиденное.

Хочется, чтобы пейзаж в стихах Дмитрия Ковалева присутствовал щедрее и ярче, полемика была боевее, шире.

Предельная искренность искупает заметные издержки в творчестве поэта: растянутость, вычурность и витиеватость фразы.

И полноту воды от рек в слиянье.

И смысл весны сугробы оголяют.

Болотца вышли из себя и по лугам гуляют.

И разбрелись по ним выюны с линиями

Нежно и достойно несет поэт слово о любви и преданности, о красоте и возвышенности. Без верности и красоты – нет искусства. Без цельности – нет мира, в котором бы неопытная душа нашла для себя нужные вехи.,,

Но и Дон-Жуан не дремлет. Первозданное чувство это, вечно куда-то спешащая физиономия легко назовет «наивным аборигенством», тоску по родному краю – «почвенничеством», а верность Отчизне – «бородатым патриотизмом»...

Национальное звучание слова нельзя отрывать от интернационального, нельзя подменять его общечеловеческим звучанием. Планета наша гудит от классовых потрясений. И наш интернационализм должен действовать в стихах с целевыми, классовыми задачами, а не с обывательски сытым рассуждением о псевдообщечеловечности, за которой порой прячет свое, как бы сказал Маяковский, мурло банальная аполитичность, рвущаяся из Ту-лы з Амстер-рдам...

Было бы хорошо, если бы наша литературная критика поддержала по-настоящему тех своих собратьев по перу, которые пишут о солдате, о сталеваре, о шахтере, о трактористе, то есть о главном в жизни.

Порой уходят из жизни большие художники, так и не услышав о себе ни одного светлого слова, а какой-нибудь «трюкач из номера в номер» идет по литературным страницам с бродячими стихами или с бродячими интервью. Иной критик готов чуть ли не всю современную поэзию объ-

явить «бородатым патриотизмом», патриархальщиной и никак не замечает, что у него, буквально под носом, – просачивается безыдейщина, обывательщина, безвкусица.

Достаточно обратиться к некоторым нашим песням – иные из них, сочиненные утром, умирают к полудню. Законы искусства едины. И старые, и молодые поэты должны быть привлечены заботливым оком печати, критики.

Геннадий Серебряков, Феликс Чуев, Владимир Семакин, Михаил Беляев не раз попадали под несправедливый огонь критики. За что? Может, за то, что уходят от жизни, от трудовых и нравственных основ нашего народа?

Это не всегда так... Одно дело – помочь, другое – осмеять, оборвать на полуслове... Нынче мода на литературную элиту. Некоторые поэты прямо заявляют со страниц газет, что их стихи не для «массовой культуры!..»

Все здесь продумано, все означено и распределено. Но все-таки – эта розовая физиономия любовника-мещанина, литератора-деяги, философа-циника не имеет точного имени и названия, физиономия, рожденная пожирать, мять и калечить, рожденная перелетать из Тул-лы в Амстер-рдам!..

Основательность в работе, в отношениях к близким и друзьям, в чувствах, высоких и вечных, нужна всегда. Ведь скоростные тракты уносят человека от сложившегося уюта, родственных обязательств, давних привязанностей, часто не только полезных, но и строго необходимых отдельному

человеку и всему человечеству:

Как медлит реактивный, накренься!

Как долго блики на крыле меняет!

Как мелко все,

Что нас разъединяет!

Как крупно все,

Что породнило нас!..

Эта гуманная тяга объединять в себе и вокруг себя дала право Дмитрию Ковалеву на уважение к нему со стороны вчера молодой, но сегодня уже зрелой группы поэтов: Владимира Гордейчева и Станислава Куняева, Анатолия Жигулина и Ларисы Васильевой, Владлена Машковцева и Вячеслава Богданова. А сыновняя благодарность матери и земле своей не дала Дмитрию Ковалеву обрасти звоном маститости. Он, как прежде, нежен в слове и в чувстве.

И отчие места – едины. И неприкосновенны:

Сож мой!

Луга, луга...

Стежка к тебе

Из сада.

Бор.

Облака.

Стога.

Кручи.

Коровье стадо.

Что-то есенинское грезится в этом удивительно чистом и светлом выдохе поэта. Он и сам признается: «от летчика, помню, брата соседки, услышал впервые о Сергее Есенине. А потом от одного из дружков, у которого Есенин был весь переписан, стихи услышал. И они меня ошеломили. Впервые почувствовал какую-то до слез родную красоту. И уже на всю жизнь полюбил Есенина. А еще живописью стал бредить, той природой, которая у него очеловечена...»

Да, природа вошла органично и неотъемлемо во все творческое дыхание Дмитрия Ковалева, по отцу – белоруса, по матери – русского, россиянина, воспевающего Подмоскovie и Беловежье, Сибирь и Балтику, Поволжье и Урал, Кубань и Смоленщину, как единую мать-Родину;

Глазами матери,

Что понимают сразу,

Что столько повидали на веку,

Ты смотришь в сердце мне.

И твой душевный разум —

Весна,

В которой каплей я теку.

И мне,

Крупнице твоего апреля,

Видать,

Как ты чиста и глубока.
Какие ты сибирские метели
Прошла —
И вскрылась вольно,
Как река.

И ныне вдохновенное перо Дмитрия Ковалева не устало.
Он – вместе с теми, кто «поседелый, как сказанье, и, как песня, молодой», пахал поле и ходил в атаки. Вместе с теми, кто чтит его русский и чистый талант, кто учится у него слову и жизни.

И нам, идущим ему вослед, понятна его жгучая память о прошлом и его тревога за будущее:

Люблю тревожно пареньков моих.
Характер их становится несносным.
Никак с ломающимся басом их
Не свыкнусь,
Отдаюсь сполна их веснам,
Их юным увлечениям и страстям
Тоскую, что расстанусь с ними скоро,
Что скоро нам встречаться, как гостям.
И не скрываю совести укора,
Что в чем-то главном близость не раскрыть,
Что по своей вине не понят ими...
Чем беспокойней мир – тем крепче нить,

Связующая нас.

Любовь ей имя.

Этот очерк о Дмитриии Ковалеве я написал к 60-летию поэта... Я благодарен ему за честный опыт призвания, за красивые и благородные страсти, оставленные в слове.

1973—1983

Благодарение

И трудно, и легко говорить о поэте Викторе Бокове. Трудно потому, что не просто охватить все, сделанное Виктором Боковым, – от стихов да поэм, от песен до статей, посвященных бурному дню нашей жизни, легко же потому, что Виктор Боков всегда в действии, всегда вдохновенен и окрылен ветром молодости:

Я в Сургуте мог бы жить,
Как в столице на Таганке.
Мне приятно говорить:
– Сургутяне, сургутянки!

Не часто встретишь поэта, так беззаветно и безоглядно ушедшего за своей «жар-птицей», за своим воистину радостным талантом.

Как-то внезапно и озорно, свежо и певуче откликнулся он на соловьиные переливы Александра Прокофьева и понес их по весенним просторам России, славя пахаря и звездного летчика, плотника и сталевара, утверждая братскую дружбу наших народов:

Я видел Россию,
Она поднималась

Туманом над речкой
И светлой росой.
Шла женщина русская
И улыбалась,
За женщиной следовал
Мальчик босой.

Домашняя простота атмосферы, ясность и удивительное целомудрие картины волнуют душу, наполняют ее светом и добротой. И кажется – ничего не утрачено, все остается на своих местах, все вечно и незыблемо, как природа. Но это лишь мимолетное ощущение. Лирический герой давно повзрослел, и мир вокруг изменился, и время, и люди:

И дрогнуло сердце.
Уж это не я ли?
Аукни то время
И голос подай.
Мы с мамою
Точно вот так же стояли
И сыпали соль
На ржаной каравай.

На первый взгляд, не сосредоточивая особого внимания на России, стальной и космической, поэт как будто обыденно повествует о человеке из жаркого цеха, тем самым подчер-

кивая нашу «привычность» к технике, – повествует о человеке, на котором держится мир правоты и обновления, мудрости и защиты, имя которому – рабочий:

Я видел Россию,
Бил молот тяжелый,
Послушно ему
Поддавалась деталь.
А рядом кузнец
С Уралмаша веселый,
Играя, шутя,
Поворачивал сталь.

Человек, Родина – два полюса, между которыми восторженно бьется большое сердце Виктора Бокова, поэта, единым взмахом соединившего нас, послевоенных представителей музыки, и с буйной страстностью Павла Васильева, и с лукавой задорностью Бориса Корнилова.

Настоящий поэт – всегда явление интереснейшее. И попробуй-ка, встретившись с Виктором Боковым, быстро распрощаться. Сразу же на тебя хлынет поток впечатлений, событий, выводов и, разумеется, стихов, стихов!..

Неутоленная, неистребимая и святая любовь к женщине, к отеческой земле, к ее истории, к делам сограждан бросает Виктора Бокова то в Заполярье, то на Мамаев курган – седую высоту памяти, то в кубанские степи, то на сибирские

новостройки:

Вышли девочки-сибирячки,
В каждом слове задор, огонь!
Не застегивай и не прячь ты,
Гармонист, удалую гармонь!

География его творчества – география Отчизны, путь его творчества, раздумий и огорчений, радостей и высот – путь его современников:

Художник работает —
Лепит и мажет,
Решительным жестом
Меняет тона.
Настолько он
Связан с землей, что расскажет,
Насколько мила
И прекрасна она!

Нет пустых и банальных слов и выражений, если к ним прикоснется настоящий поэт. Они, эти слова, вдруг преобразятся и засверкают по-новому.

Виктор Боков, говоря о любви, отдает предпочтение словам пламенным и высоким:

Я ранил тебя, моя белая лебедь,
Печальны, заплаканы очи твои.

.....
Я ранил тебя и себя обоюдно.
Я ранил тебя и себя глубоко.
Поверь, дорогая, мне горько и трудно,
И горе мое, как твое, велико.

Женщина, которой лирический герой адресует свои чувства, достойна самых сокровенных тайн и признаний. Она – первая трепетная радость. Она – первое ощущение собственного достоинства и рыцарства мужчины, она – первый и самый дорогой друг, она – вечно зовущая и вечно осиянная мать-Родина. А матери лирический герой открывается полностью в минуты горя и гнева, в часы надежд и торжественных раздумий:

Просыпаюсь, а в сердце живет человек.
Он смеется, грозит мне, как мама, за шалости.
И в годах у меня, как в горах, тает снег,
И как не было спячки, хандры и усталости.

Виктор Боков вдохновенно живет и вдохновенно творит. Поэтому есть на кого опереться в минуту усталости и беды таким интересным и разным поэтам, как Владимир Смирнов, Сергей Панюшкин, Александр Куницын, Юрий Адрианов.

нов, Вячеслав Кузнецов, Александр Говоров, и многим другим, очень неодинаковым по манере письма, по восприятию мира, по темпераменту, но тяготеющим к народности, к раскованности.

Народность – явление не привозное, не заемное. Народность – это земля, которая нас кормит и поит.

Володенька, Володенька,
Ходи ко мне зимой,
Люби, пока молоденька.
Хороший, милый мой.
Заскрипели на крыльце
Беленькие бурки
Отогрею я дружка,
Как сверчка в печурке.
Говорит он у печи,
Что скучал в разлуке.
Холодны и горячи
У Володи руки.

Нет нужды отыскивать и доказывать истоки этой песни – она вся уходит в глубинный народный, озорной говор, частушку, шутку, каламбур.

А вот другая мелодия души, другая забота сердца, где ласка девушки так светла и добра, так чиста, что невольно хочется дослушать песню до конца... Юная героиня стихотво-

рения думает о своей матери:

В этот выюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок.
Я его вечерами вязала
Для тебя, моя добрая мать,
Я готова тебе, дорогая,
Не платок – даже сердце отдать!

Нарочитая недооформленность строфы – продуманный авторский прием «упростить» стихотворение ради сути, ради той совершенно незащищенной искренности, с которой героиня разговаривает со своей матерью.

Виктор Боков здесь умышленно сблизил речь героини с речью народной, точнее – интонацию, какой мысль выражена вслух, соединил с привычной нам народной интонацией устного рассказа.

Недаром поэт говорит в биографии: «Моими первыми учителями были – отец, мать, крестьянский труд, уличная гармонь и частушка, балалайка детских лег, сказки Аграфены...»

Вот она, истинная сказочная игра звуков:

Лето – мяга,

Лето – лен.
Я-то, я-то,
Я – влюблен!
В это поле
И межу,
Где по клеверу
Хожу.

Василий Федоров в словах прощания с Александром Прокофьевым высказал мысль, что поэт был самым веселым русским поэтом после Пушкина. Я смело сегодня заверяю, что Виктор Боков самый народный ныне поэт после Александра Прокофьева. Он чувствует большую ответственность перед собой и перед временем за русское народное слово, поэтому и неколебимо защищает свои позиции:

От модности не требуйте народности,
Народность – это почва, это плуг
И только по одной профнепригодности
Решаются ее освоить вдруг.

.....
Народность – это тара тороватая,
Наполненная тяжестью зерна.
Народность – это баба рябоватая,
Которая земле своей верна.
Народность циркачам не повинуется,

Она для них – бельмо, живой укор.
В ней Данте, Пушкин, Гете соревнуются, —
Что мода для таких высоких гор!

Народность и мода – понятия несовместимые, они даже нейтрально соседствовать не могут, ибо – взаимно исключают друг друга...

И как бы мода ни претендовала на пальму первенства, ей никогда не подняться до народности, поскольку любая мода лишена обобщения и мудрости, без которых нет у искусства таланта воспитывать души, пленять сердца не только на сегодняшний, но и на завтрашний день – на грядущий путь человека:

Кто он?
Бог иль безбожник?
Разбойник иль ангел?
Чем он трогает сердце
В наш атомный век?
Что все лестницы славы,
Ранжиры и ранги
Перед званьем простым
Он – душа-человек!

И выходит тут, что мода модой, а душа душой. Не «синтетика» чувств, не «агломерат» мыслей, а непосредствен-

ность и первозданность — основа человеческих ощущений и устремлений.

Есть у Виктора Бокова стихи на «вечную тему». Передать их настроение не просто, поскольку они выдохнуты на едином нерве, на очень высоком сердечном напряжении.

Предчувствием ли горя, думою ли о смерти и бесконечности, — ясно одно, что такие стихи рождаются в минуты огромного желания познать тайну «сотворения мира», увидеть хоть на миг свое предназначение в кипящем водовороте событий и дел.

Иному стихотворцу, пораженному речевой депрессией, хватило бы на целый «трагический» цикл того человеческого страдания, которое заключил Виктор Боков в шестнадцати строчках:

Вечерняя звезда Венера,
Среди небесного шатра
Ты на рассвете так звенела,
Что я проснулся в три утра.
И вышел. Ты пылала ярко
В предчувствии большой беды
Над вечной тишиною парка,
Над обморочным сном воды.
Ты была мне в глаза набатом,

Жгла сердце огненным лучом
И с месяцем, глупцом горбатым,
Не говорила ни о чем.
Звала, звала меня куда-то,
Чтоб неразлучно вместе быть
Звала, звала меня, как брата,
Которого хотят казнить!

Вот она, полнота чувств и предчувствий. Какое-то почти первозданное ощущение единства природы и человека, единства живых душ...

Виктор Боков воспеваает в своем творчестве мастера-трудюча, мастера, вырубающего резцом черты жизни. Трудолюбие – здоровье нации и государства. Жить честно и мудро – тесать камень:

Каменотес! Податлив ли твой камень?
Поклон мой низкий твоему труду.
Я тоже, как и ты, держу руками
Кирку, что бьет в словесную руду!
Каменотес! Из мертвого гранита
Усилив таланта, волей рук
Вдруг возникает грудь, лицо, ланиты
И губы излучают теплый звук.

Отношение к труду – есть отношение человека к челове-

ку, к жизни, к Родине. Цинизм не помнит прошлого. Цинизм не желает знать будущего. Цинизм не поймет материнского слова, не примет музыки духа. Вот почему, будучи цельным и сильным человеком, Виктор Боков с такой яростью обрушивается на этот современный механический тип человека-туриста, «цивилизованного» кочевника, всасывающего пустым взором дворцы и статуи, картины, башни и пространства многих стран.

Воюет Виктор Боков с «человеком-роботом» не угрожающими фразами, не обличающими восклицаниями, а свежими и молодыми строфами, готовыми к высокому взлету:

Оплела.

Одурманила.

И одолела.

От любви к тебе

Сердце мое заболело.

...Дай мне отдых!

Назначь

Нашу встречу

В трехтысячном веке!..

Но любовь, как палач,

Катит камни и горные реки!

Такая здесь предельная собранность, ответственность перед большим чувством, перед собой, перед всем, что несет

жизнь для радости и вдохновения!..

Виктор Боков – поэт, богатый опытом жизни, осознанием собственной силы и достоинства, жаждой жизни:

Говорила на рассвете:

– Дорогой, купи браслет!

– Что тебе, мой друг, в браслете,

Я куплю тебе рассвет! —

Говорила, прижималась:

– Ты бы денег накопил! —

Все никак не унималась:

– Ты браслет бы мне купил!

Эти озорные строки поэта – тонкая грань, на которой соприкасаются его стихи с жизнью... Потому так легки и внезапны переходы поэта от усталой расслабленности к рабочему состоянию, от лукавого задора к одинокой печали.

Умение человека Виктора Бокова перевоплощаться – не что иное, как великая и мученическая доля поэта Виктора Бокова, стезя его судьбы.

Поэт ни в чем не отделяет себя от народного торжества, нигде не отмежевывается от народной беды:

Глубока, покойна синь

Голубого циферблата.

Губы шепчут слово: – Сын! —

Это мать зовет солдата.
Ходит, ищет, мнет траву,
Говорит ромашкам лета.
— Я, сынок, еще живу,
Ты прости меня за это! —
Говорит ручью, лугам,
Полю, речке, всей России:
— Хлеб несу к своим губам,
Ты за то, сынок, прости мне! —
Никакого сына нет!
Есть трава, дорога, поле.
Есть деревня, сельсовет,
Седина, старуха, горе.

У поэта Виктора Бокова нет «межи», разделяющей его «личное» и «общее». Нет у него и заскорузлой узости, замкнутости. Он — широк в любви и в дружбе, самые разные люди — его друзья. Самые разные поэты — его сотоварищи. Сейчас «модно» заточать себя в домашнюю скорлупу быта и бытовщины. Вот и сидит иной «певец» в таком целлофановом футляре, робко поворачивая голову то направо, то налево, боясь «потерять себя» от соприкосновения с жизнью.

А жизнь — есть жизнь! Трусливый ты или храбрый, какое ей до этого дело? Она требует от тебя действий.

Ни «тоской по вечному и трагичному», ни застольем не отгородиться от настырного и прекрасного ветра по име-

ни — жизнь!..

И когда Виктор Боков делает, порой, неверные или не совсем точные шаги, нетрудно понять, что это все — во славу жизни:

Я в сетях
Я в силках
Я в твоём огневом лабиринте.
Я горю.
Я обуглен
Я пепел —
Скорей уберете!

Тут, конечно, больше наивного и смешного, чем серьёзного. А сопоставление «температуры» любви и «температуры» лабиринта надуманно, неорганично и чуждо для естественного и быстрого поэтического шага Виктора Бокова.

Но не по «лабиринтам» ценится поэт, не по ложбинкам определяется взлет поэта, а по его преодоленным высотам.

Главное в творчестве Виктора Бокова — это та завидная неистощимость, с какой поэт живет и работает. Отсюда и его русское гостеприимство, с которым он встречает каждое появление новой даровитости.

Помню, в Челябинске он возвышенно называл имя Вячеслава Богданова, тогда молодого поэта, рассказывал о нем со сцен техникумов и институтов, привез в столицу имя по-

эта, упоенно, как свои, читал его стихи...

Так может поступить только человек, убежденный в собственной талантливости и правоте, как подтверждает эту мысль сам же Виктор Боков:

Сном праведника спит поэт.
Сном древних стен и древних башен,
И наведенный пистолет
Его безумию не страшен.
Он не убил, не обманул,
Не покривил душой ни разу,
В пустых словах не утонул,
Не разменял добро и разум.

Я не вижу необходимости демонстрировать рост поэта из книги в книгу. Ныне Виктор Боков в строгой форме, сделанное им – видно издалека, а намеченное – не страшит, а лишь призывает.

И когда прихлынут счастливые мгновения – задохнется сердце поэта полнотой и обилием жизни. Ведь биография его так схожа с биографией времени!

Характер поэта – характер времени, молодой и крепкий, дерзкий и шутливый:

У тебя на губах горчинка.
– Что с тобой?

– У меня морщинка!
– Не расстраивайся, мой друг,
Не такой это тяжкий недуг!
– Где она?
– Видишь, вот она слева.
И когда она, подлая, села,
Как же это я не досмотрела,
Неужели, когда я спала,
Она молодость отобрала?

Конечно, читатель улыбнется нарочитой утешительной интонации автора, способности говорить с тончайшей иронией, с ободряющей заботой с близким человеком. Это стихотворение настолько оригинальное, что трудно не процитировать полностью, ведь тайна стиха Виктора Бокова как раз в этой распахнутой обаятельности, в этой предельно лукавой щедрости и живости речи:

– Успокойся, моя родная,
Я слова молодильные знаю,
Я одно лишь словечко скажу
И лицо твое омоложу.
Мы морщинку твою поборем
Темным лесом, и Черным морем,
И всесильной волшебной водой,
Будешь ты молодой, молодой!

Так от залихватской шутки поэт переходит к протяжной и удалой песне, от беззаботного смеха – к серьезным заботам идущего дня. Потому понятна и нужна поэзия Виктора Бокова студенту и солдату, охраняющему покой Родины, машинисту и педагогу, врачу и леснику, словом – народу:

Коло-коло-колокольчик,
Колокольчик голубой,
Коля, Коля, Николаша,
Где мы встретимся с тобой?

Подвижный в жесте и в шутке, солнечно воспринимающий все живое и доброе, поэт рассказывает нам о живой природе, рассказывает настолько обобщенно, что за природой встают люди со слабостями и достоинствами, то печально-трогательные, то деловито-смешные.

Вот любопытнейшее стихотворение «Сом», оно как бы фокусирует лукавую и мудрую иронию Виктора Бокова:

Жил он в очень глубокой яме,
Под корягами, под соловьями,
Тихо-мирно усами водил,
Сам собою руководил
Там, где бабы стучат вальками,
Он охотился за мальками,

Там, где с хлебом стоит баржа,
Узнавали его сторожа
Берегли они внуков и внучек
– Не протягивать к берегу ручек,
Будет очень большая беда,
Схватит сом – и прощай навсегда! —
Но схватил он однажды спросонку
Небольшую мою блесненку
И давай меня в яму тащить,
Только спиннинг с натуги трещит.

Тон повествования чем-то напоминает устный народный рассказ-пересказ или былинку, где сюжет – основа движения и где, как в жизни, легко и просто перемежаются серьезность и безобидная насмешка. А язык стихотворения, как и вообще язык Виктора Бокова, крутой, сочный, народный.

Проследим до конца за судьбою сома-баловня:

Вот уж нас возле берега двое —
Я и сом, как бревно живое,
В воду хочет, а я не дало
– Кто тебе говорил – поборю? —
Еле-еле в мешок его впятил,
Он по мне все хвостом колошматил,
Всю дорогу башкою мотал,
Воздух жабрами жадно хватал,

Бросил я его на соломку,
Отошел от него в сторонку,
Сом раскрыл свою страшную пасть
И признался: – Сильна твоя власть!

Стихотворение это – маленькая поэма! Сила, удадь, буйное ощущение жизни, смекалка, хитрость и доброта – словом, все то, что есть в характере народа.

В последнее время в нашей, особенно молодой, поэзии распространилось поветрие «трагичности». Эта «трагичность» присутствует всюду, в капле дождя, в березовой ветке, в застолье.

Нота трагичности Блока, «разросшаяся» в тысячи разнообразных ноток, стала для иных молодых поэтов направляющей линией в их творчестве. Они, как мелкая рыбешка, клевали и цеплялись на «крючки» блоковских тревог и смятений. Разжигание собственного мелкого воображения до некоего призрака, переходящего в состояние почти галлюцинирующих «выкриков души», в «символ-судьбу», в неизбежность. И все это – надуманно, постыдно лениво, а мощная и огромная жизнь, как весенняя Волга, раздвигает берега и течет вольно и далеко:

Песни! Песни в душе! Бой и звон родника,

С водопольем, с морями, с горами братание
И, как мамонт, душа моя из ледника
Начинает немного, немного оттаивать
Это ты, мой спаситель, мой ангел, мой друг,
Спутник милый, так искренне мною согретый,
Мой щемяще доверчивый клятвенный звук,
Долетевший с балкона Ромео – Джульетты!
Я ребенок. Я радуюсь. Плачу. Грущу.
Окликаю тебя с заповедного луга.
А чего я на нашей планете ищу?
Только друга! Единственно верного друга!

Это – горькое признание, может, в минуту слабости, – жалоба, укор, но ведь через какие пороги житейского опыта и человеческого самоутверждения прошла, как прожгла себе дорогу, – эта трагическая мысль о недолговечности счастья в движении вечности, о личном и дорогом.

Такая распахнутость навстречу ветру времени, навстречу солнцу и житейским бурям обязала Виктора Бокова стать мужественным, эпически воспринимающим мир: его историю, его нынешний день. Она, эта распахнутость, наградила поэта истинно народной чертой – жить, как работать, а работать, как жить. И даже военное лихолетье в изображении Виктора Бокова – это не отдельная трагедия, навалившаяся на землю, а часть общей вселенской борьбы за человеческую личность и достоинство, за человеческое чувство люб-

ви и радости, благодарности и благородства:

Когда на войне получил я ранение,
Сестре госпитальной сказал, улыбаясь
– Возьми мое сердце на сохранение,
А вовсе убьют – так на вечную память. —
Сестра посмотрела серьезно, внимательно,
Обшарила шрам, зажитой и зашитый:
– Уж лучше мое заberi обязательно,
Оно тебе будет надежной защитой! —
И я согласился. И тут же, не мешкая,
Взял сердце: – Спасибо, сестрица, огромное! —
И снова в окопы. Но пуля немецкая
Меня с той минута ни разу не тронула.
Все небо пылало огнями салютными,
Победную радость весна принесла нам.
Я правду сестре говорил абсолютную,
Когда ее сердце назвал талисманом.

Стихотворение-рассказ, стихотворение-повесть. Умение Виктора Бокова передать в сюжетной форме самые, казалось бы, личные размышления, – удивительно. Это умение и привело его на поле эпических поэм, где молодецки развернулись его порывы, расковалась его речь, заговорила ритмическая музыка строф, обращенная к израненной, но на века вечные родной и незаменимой земле:

Шли по тебе пахотники,
Шли по тебе лапотники,
Шли по тебе коробейники,
Шли по тебе корабельщики,
Ты их ютила,
Ты их любила,
Ты им квасу
К доброму часу.
Ты им сухариков:
— Ешьте, сударики! —
Где же скатерть
Твоя самобранная?
Нет ее,
Речь кругом басурманная:
— Хальт! Хальт!
— Битте! Битте! —
Правильно, правильно —
Будете биты.

Только такое сердце – вечно молодо. Помню, как взволнованный поэт вышел на сцену в Доме литераторов и запел в полный и шумящий зал старинную русскую песню про сокола-атамана, про молодца-богатыря. И сам он, широкоглазый и крепкий, походил тогда на того молодца-богатыря.

Выступления Бокова на заседаниях и пленумах, яркие

и страстные, статьи о хлебе, о слове – всегда принципиальны, они рождены пламенным чувством принадлежности к заботам дня насущного:

Мне чужда отгороженность сада,
Не люблю сквозь заборы глядеть.
Мне людей обязательно надо
Локтем, словом, улыбкой задеть.
С рыбаками закидывать тони,
С трактористами – поле пахать.
С игроками – играть на гармонии,
Со знаменами – колыхать,
Чтоб оно и качалось, и пело,
И гуляло в улыбке колонн,
И над площадью Красной летело
На зарю шелестящих знамен!

Виктор Боков не обделен вниманием читателей, их любовью, но все-таки хочется, чтобы о таких поэтах наша критика говорила больше на пользу творческой молодежи, для общего, более серьезного разговора о месте человека в жизни.

Однажды, наверное в горестную минуту, Алексей Николаевич Толстой сказал: «Сколько примеров, когда большой художник был затравлен и не воспринят. Сколько примеров, когда бездарность выводилась в гении. Все это вредная деятельность критики».

Наша задача состоит в том, чтобы ни один талантливый поэт, ни малый, ни большой, не остался за горизонтом творческого мира, о чем так искренне печется Виктор Боков:

Надо вовремя
Душу спасать человечью
Апельсинами, отдыхом,
Дружеской речью.
О, не будьте, не будьте
В гуманности лживы!
Берегите людей!
Берегите, пока они живы!

Судьба песен Виктора Бокова – на редкость удачная и живучая! Слово поэт черпает из уст народа и, проверив его на звонкость и полет, отдает народу как бы позолоченным.

Особенно это заметно в поэмах и сказаниях, посвященных дымному и пожарному прошлому Руси. В произведениях, рассказывающих о героях Великой Отечественной войны:

Карелия!
Страна озер.
Край рыбы,
Зверя,
Водопадов.

Неожиданно это восхищение богатством северного края поэт прерывает жестким вопросом, вопросом-криком, дающим иную картину глазу и воображению:

...Но почему
Стоит дозор
И слышен стук
Чужих прикладов?

Поэма «Свирь» – эпическое повествование, сама народная жизнь. Она посвящена героям Советского Союза Анне Лисицыной и Марии Мелентьевой, погибшим на фронте, Виктор Боков и тут верен себе: великая роль женщины – любимой, матери – женщины-патриотки, как Родины, вырастает и облагораживается стократно – до символа, до вечности, до победы:

Вырвалась месть из каждого дула,
Заколебалась земелька от гула...

Известность не сделала поэта равнодушным, а пережитое не убило его распахнутости и доверчивого гостеприимства, среди нас он – мудрый ровесник, среди ровесников – равный друг. И всегда – он в дороге.

Погода будь
Иль непогода,
Холодный ветер
Или дождь —
Земля,
В любое время года
Со мною
Ты свиданья ждешь!

И только болью подернутся порой глаза, когда поэта посетят забытые мгновения из той наледи, где судьба стелила перед ним далеко не «ковровые» дорожки:

Как ночь, я умирал с рассветом,
Рождался, глядя на зарю.
Мне трудно было, но за это
Судьбу свою благодарю!

Но все прекрасно и ладно! Все собрано и точно! Огромная и дорогая земля — под ногами. Друзья и побратимы — у плеча. Песенные струны — в самом сердце. И ветер времени, ветер заревой России — в лицо.

И нет судьбы настоящей без срывов и без вершин. Каждый просчет — жгучая доля к опыту, каждое восхождение — шаг на пути к цели.

Да здравствует

Амплитуда, —
То падаешь,
То летишь!

Впереди дюжие взлеты, а случится просчет, — тоже не бе-
да, ведь удел поэта — удел храброго молодца...

1974

В этот час

Есть поэты, особенно остро чувствующие своё время, – день, в котором они живут и действуют. Вот к таким поэтам-нетерпеливцам относится и Алексей Марков. И его книги – лучшее тому доказательство.

Детство ли, бедное и полусиротское, отрочество ли, не очень радостное, юность, опаленная огнем войны, а может быть, все вместе – и есть память, есть человек. А кто много помнит – тот много скажет:

Человек, человек, оправдаться нам нечем,
Если мы проживем на отлете свой век.
В бой за дерзкую, трудную суть человечью,
За великое званье твое, человек.

Нельзя не заметить некоторую риторичность, нарочитую прямоту в приведенной строфе, но, если подумать, – поймешь: надо пережить многие неурядицы жизни, чтобы так искренне сказать. Абсолютная простота слова здесь пересекается с абсолютной честностью поэта, слово обретает значимость, мысль – правоту. Алексей Марков не стремился этим четверостишием «приблизиться» сам или «приблизить» к себе человечество, но гражданская озабоченность поэта – выше «личной» минуты «прозрения» автора Мар-

кова, она, эта озабоченность, совпадает с глобальной идеей всего человечества – наследовать мир и труд. Сомнительно иной раз слушать, как какой-нибудь «незрелый» провидец адресует свои строки великому человечеству, не ведая, какое оно, человечество. А тропа к нему одна – через собственную судьбу и судьбу родного народа. Когда же у поэта нет личной судьбы, не будет у него и судьбы общественной...

Алексей Марков – поэт, гражданин, воспринимающий мир многообразно и тревожно. Иной раз Алексей Марков – поэт мешает спокойно взвесить и решить, все «за» и «против» Алексею Маркову – человеку, так как поэзия – нерв души, свет молнии. И в этом «противоборстве» рождается не бледная тоска по истине, а истинная творческая работа таланта – стихи:

Меня не будет —
Свет забудет.
Грачи, как прежде, прилетят.
Приладят гнезда ближе к людям,
Теплом наполнят черный сад!
Но буду жить я —
Не в граните,
В тех гнездах, что не разорял,
В березах белых, в белом жите
И в снах, которым доверял...

Откровенные строки. В них вечная музыкальность русского ямба, внезапная, как запах полыни, грусть, совершенно беспощадная правда человеческой доли – родиться, созреть и уйти, а кто-то, непременно, повторит твой «круг», а может, лишь белая береза, лишь раздольная даль – вздохом ветра, синью облаков, криком птицы.

Сравнимо ли творчество Пушкина и Языкова и правомерно ли такое сравнение вообще? Но вот – вечер. Луна. Ты один дома. Возьми томик. Подумай. Почувствуй:

Нелюдимо наше море.
День и ночь шумит оно.
В роковом его просторе
Много бед погребено.

И тут же вспомни Пушкина:

Прощай, свободная стихия,
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Истинные поэты – всегда велики, независимо от масштабности. Вспоминаю, как я зачитывался, забывался, улетающая в мыслях далеко-далёко следом за печальными песня-

ми Кольцова. Да, поэт рассказывает себя. Но в нем живут еще и его предки, близкие, друзья, а главное – его время, его суть. Ступенька к ступеньке – лестница, верста к версте – пространство. Человек продолжает человека, поэт рождается, чтобы продолжить поэта. И снова – Кольцов! Снова – этот мощный напев:

Ты прости-прощай,
Сыр-дремучий бор,
С летней волею,
С зимней выюгою!
Одному с тобой
Надоело жить,
Под дорогою
До зари ходить!

Удивительная чистота души, удивительная искренность человека! А как просты и велики нравственные муки его. И нет ничего, что тяготило бы поэта, – с ним – весь мир, с ним – жизнь:

Поднимусь, пойду
В свою хижину,
На житье-бытье,
На домашнее.
Там возьму себе

Молоду жену;
И начну с ней жить —
Припеваючи!..

Чем истребить это колдовство? Нечем, пока живет великий русский народ, пока звенит и поет его великое слово.

Поэзия Алексея Маркова не режет глаз, не стучится бесцеремонно в студии, не рвется в залы библиотек, она — работающая поэзия, думающая. Такая поэзия помогает нам увидеть в малом — большое, в большом — великое.

Слово Алексея Маркова несет в себе народные черты, близкие и родственные поэзии Кольцова, Некрасова, Никитина, Твардовского. За внешней взъерошенностью строки Маркова — то же некрасовское негодование, та же совесть:

В застолье споры, анекдоты,
Фонтан безудержный острот...
И вдруг коса по пояс! Кто ты?
Откуда? Из каких широт?

Национальная красота человека — есть высшее его достоинство. Не голая форма, не плоская мысль нужна человеку, имеющему на собственной памяти богатейший опыт искусств разных народов. Идея человека, судьба его — не выхолащивание его оригинальных достоинств, а наоборот — раз-

витие и укрепление их.

Порывистый, порой даже гневный, Алексей Марков иной раз преувеличивает силу воздействия личного слова на предмет, который он осуждает. Отсюда на отдельных стихотворениях поэта ощущается налет торопливости, наивной упоенности победой, пока, к сожалению, не существующей... Известно, Горький всю жизнь боролся с мещанством, обывательщиной, но ведь это еще не значит, что пороки, осуждаемые когда-то Горьким, начисто вымерли в обществе. Неоднодневность, глубинность подхода к социальным явлениям жизни необходима литератору всегда. Основательность, обобщенность нужна ему и в раскрытии интимной темы:

Уходят дочери из дому.

Другой находят дом.

Склоняются к плечу чужому —

И мир стоит на том!

Случайно встреченный мужчина,

Дороже став отца,

Обидеть может беспричинно,

Но горечь до конца

Губами сдует, лишь коснется

Солоноватых щек!

Мне – не простится! И не зачтется
Любой такой просчет!

Здесь не хватило автору более широкого подхода к материалу, не хватило слов для расцветки мысли, потому и не вышло это стихотворение за домашний порог лирического героя. Автор посмотрел как бы со стороны на чужую беду.

Творчество Алексея Маркова интересно прежде всего страстностью. Алексей Марков – это десятки человек, живущих обнаженно, призывающих других принимать каждый новый день открыто, по-хозяйски.

Сегодня солдат Алексей Марков и в «атаки» поднимается, и «высоты» штурмует, и по «минному полю» ползет... Ирония, насмешка, взрыв обиды – все это – многообразие характера поэта Алексея Маркова, его восприятие действительности, его творчество:

Я говорю ему: «Огромна
Бедя. Наверно, не снесу!»
А он меня не слышит ровно,
Хоть держит уши на весу.
И даже веки напрягает,
Чтобы скрестить со взглядом взгляд,
Глядит с участием, не мигает,
Но смотрит мимо, в желтый сад!

Солдат может быть излишне грубоватым. Поэт – излишне резким. Но суть одна: равнодушие, ложь никогда не найдут приюта в сердце поэта-воина. К стихам и поэмам Алексея Маркова надо привыкнуть, как надо привыкнуть к нашему северному лугу, и ты оценишь все краски, все запахи, которые так щедро и многолико представлены на этом лугу.

Алексей Марков родился в Ставропольском крае. Яков Филиппович Марков, отец поэта, воевал на гражданской. Возвратившись в село, пришлось бывалому воину наняться батраком. Батрачили вместе с женой, пока не накопили на корову. Зато какая была радость, когда мать привела телку с базара. Отзвуки этой крестьянской радости словно живут в душе поэта и сегодня.

Алексей рос хозяйственным, внимательным. Рано утром отправлялся на реку Куму и сидел, пока не клонет... Домой приносил рыбу, которой семья не один день была сыта. Отец рано начал брать сына с собой на поденные работы в Орджоникидзе, Беслан, Грозный и другие города. Алексей помнит, как ездили на железнодорожных платформах, в товарняке, как однажды в теплушку их рвались бандиты, а отец стоял у дверей с топором. Помнит ночевки на вокзалах, а то и под открытым небом...

В восемь лет пошел в школу. Однако закончить удалось только четыре класса. Начался голод. Умер отец.

Алексей с матерью оказался в нагорном Дагестане. Вместе с местной ребятней он собирал урожай кукурузы, резал табак. Незаметно для себя стал осваивать кумыкский язык. Несколько позже мать определила его в интернат. Здесь мальчик впервые стал писать стихи. Писал на кумыкском. Одно из стихотворений осмелился послать в кумыкскую республиканскую газету «Ленинский путь». К удивлению самого автора и его юных друзей, стихи опубликовали!

Окончив восемь классов, Алексей поступил в педагогическое училище в городе Буйнакске. Здесь судьба свела его с Расулом Гамзатовым. Молодых людей объединила страстная тяга к поэзии. Алексей Яковлевич вспоминает, как они с Расулом уходили далеко в горы и там читали в полный голос друг другу стихи – он на русском, а Расул на кумыкском.

По окончании педучилища Алексей получил назначение учителя русского языка и литературы в школу-семилетку в небольшом высокогорном ауле. Эти два года работы в дальнем ауле были для молодого учителя испытанием воли и мужества! Но он сумел выдержать. Появились друзья среди местного населения, и ученики подружились со своим учителем, тем более что он был увлечен спортом и вместе с ребятами устраивал соревнования в беге, прыжках, метании, как правило, выходя победителем.

Почти перед самой войной Алексей, в ту пору уже неоднократно печатавшийся в русской дагестанской газете «Дагестанская правда», был вызван в Махачкалу. Ему предложи-

ли работу в Народном комиссариате. Одновременно он внештатно сотрудничал в газете, выполняя редакционные задания в разных концах республики.

В самом начале войны Алексей был призван в армию. В 1942 году в Махачкалинском книжном издательстве вышла первая книжка А. Маркова «Коля Большаков», под редакцией Эффенди Капиева. Книжка эта – небольшая поэма о мальчишке, который помогает Красной Армии.

Окончив школу младших авиационных специалистов, Марков воевал в составе 3-го Украинского фронта. Войну закончил под Берлином.

В 1946 году поступил учиться в Литературный институт имени А. М. Горького. Еще будучи студентом, написал, а затем опубликовал в «Новом мире» под личной редакцией Твардовского поэму «Вышки в море» – о нефтяниках, материалом для которой послужили дагестанские впечатления.

Поэма «Вышки в море» была богато насыщена описаниями природы Дагестана, яркими картинками нелегкого труда нефтяников Избербаша, добывающих нефть со дна Каспийского моря. Однако в характерах героев было немало схематичного, поверхностного.

Дагестанскими впечатлениями насыщены многие, особенно ранние стихи Алексея Маркова. В 1956 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга «Ветер в лицо», получившая положительную оценку критики.

Но по-настоящему нашел себя поэт, когда начал работу

над эпопеей о великом русском ученом и гражданине Михаиле Ломоносове. Это – поэма не просто о научных открытиях Ломоносова, главное внимание в ней обращено на великую его борьбу за становление русской науки, за свой народ, который «в силах доказать, что может собственных Невтонов и быстрых разумом Платонов Российская земля родить».

Завершалась поэма такими многозначительными строками:

Он встал на площади, как слепок
Судьбы народа своего,
Что в счастье сдержан, в горе крепок,
Не тронь – не тронет никого.

Поэму «Михайло Ломоносов» горячо приняли читатели. Высокую оценку она получила.

Большой удачей Алексея Маркова критика назвала поэму «Ермак». Это произведение отличает необычайная образность, высокий профессионализм поэтической строки. Поэт детально и тонко рисует характеры действующих лиц, начиная от рядовых казаков и кончая образами Ермака, его сподвижника Ивана Кольцо и самого грозного царя Ивана IV.

Перу Алексея Маркова принадлежат также поэмы «Березы светятся» – о русских людях, отдавших свои знания и жизни просвещению феодальных окраин России.

Стихи Маркова проникнуты глубоким философским мировосприятием, очень темпераментны по мысли и чувству.

В последние годы поэт как бы возвратился к теме Востока. Из-под его пера вышли многие десятки «кварт» – название придумано автором, – четверостиший, в которых поэтичность всегда сочетается с глубоким содержанием.

Судьба поэта Алексея Маркова завидна тем, что она не давала ему возможности расслабиться, замельтешить перед аудиториями разных вкусов и поколений. Алексей Марков упрямо, как в окопе, держал оборону, вел себя несуетно, по-солдатски. Поэт истово стремится наполнить слово чувством, а строку – содержанием.

Нелегкая судьба – лучший учитель поэта. Но она не довлекла над всей жизнью и творчеством его. И в дни грустных раздумий о путях и судьбах творчества именно читатель не раз был для Алексея Маркова вернейшей опорой.

«Очень, очень понравились ваши стихи. Я еще в вагоне некоторые пропел в уме, и даже пожалел немножко, что я не композитор и незнаком с музыкальной грамотой. Знаете, работаю я мастером-строителем, все время с живыми людьми, приходится каждый день переживать, расстраиваться, и вдруг... книжка хороших стихов!»

Есть поэты, обласканные нашей критикой, но есть и другие, не знающие покоя от постоянных злых ее ухмылок. К по-

эту Алексею Маркову, я бы сказал, критика никак не относится... Да и существует ли вообще современная большая забота о поэзии? Ведь на подробный и умный разбор творчества большого поэта не у каждого критика хватит пороку. Речь должна будет вестись вокруг резко очерченного человека в своих взглядах, симпатиях и антипатиях, поэта, несущего высоко и отважно свой меч, свое карающее слово.

Опровергнуть или признать Алексея Маркова непросто. Мы ратуем, как ратовал Владимир Маяковский, за «хороших и разных» поэтов, но, к сожалению, не всегда сами умеем различить, где «хороший и разный», где бездарный и совершенно ненужный, а, различив, осторожничаем, не «лезем в драку», ждем, надеемся, что кто-то сделает это за нас...

Не надо думать, что критика существует только для писателя. Критика – явление общественно значимое. Обидно, когда критика видится этакой «смирненной старой девой», которая привыкла ворчать лишь в своем доме, и то по выбору «с кем и на кого», а на воле старается сохранить «веселую мину» нормально живущего организма... Не только Алексею Маркову, но и многим другим поэтам недостает внимания и заботы критики.

Жизнерадостность, остроумие – постоянное настроение Алексея Маркова. Недаром его «квартиры» насыщены лукавой и пронзительной веселостью:

«Мы – популярней, чем Христос!» —
Сегодня битлы говорят.
– Прости, господь, – он произнес,
– Не знают дети, что творят.

Или вот эта мещанско-эгоистическая манера – торжествовать всюду, независимо от степени достоинства, нужности, порядочности:

Поселилось как-то эхо
На болоте возле пня.
Отражается с успехом
Лягушиная возня.

Конечно, поэта Алексея Маркова увлекают дела живых, а не зыбкие тени желаний и надежд.

Впервые я познакомился с Алексеем Марковым в 1965 году в Тамбове на «празднике поэзии», Алексей Марков покорила меня молодостью духа, неистощимостью энергии и остроумия.

Но за всем этим уже тогда чувствовалось в поэте большое пережитое: тяжелейшие голодные годы, годы войны, годы становления его как поэта. Нелегко стать поэтом, еще труднее заставить понять и принять твое слово.

Сейчас просто говорить об Алексее Маркове. Поэт давно состоялся. Богата родная земля талантами, Алексей Мар-

ков – не исключение: были, есть и будут «первопроходцы», идущие из народа, из жизни.

Не остановишь вечного движения в природе. Не искоренишь доброту, не искоренишь молодость:

Вот у этого клена
Клал записки в дупло
Я, в соседку влюбленный,
Всем девчонкам назло!
Жизнь была ожиданием
Неизведанных встреч.
Затаивши дыханье,
Плеч касался я... Плеч.

Родным, знакомым до боли веет от этих осторожных строк. Так искренне и нежно сказал поэт.

Стихи Алексея Маркова, как слово друга, – в них да донышка видна прямота, постоянство, честь. Это – от нашей древней русской традиции, от нашей героической истории.

Не раз я замечал: устоится, скажем, спокойно-равнодушная оценка творчества того или иного поэта, и как потом тяжело ее изменить, переубедить «ценителей» поэтического слова, взглянуть на поэта по-другому.

Стихотворения, бичующие равнодушие, мещанское отно-

шение к жизни, разоблачающие готовность пустой души отречься от материнского порога за дешевое благополучие, высоко поднимают имя Алексея Маркова в ряду имен современных поэтов. Его любовная лирика, посвященная преклонению перед женской красотой, женской верностью, вечностью жизни, нашла твердую опору в народе. Ее знают, берегут. Она – без примеси надоевшего щегольства, без воинственного цинизма. Лирика Алексея Маркова светла и уязвима, – в ней много такта и душевной осторожности:

Лада моя, Лада,
Надо мной не стой,
Ничего не надо —
Справлюсь сам с бедой!
Не впервой такое,
Знаю, как мне быть:
Дай босой ногою
На траву ступить!

Чувства любви, чувства вечности и красоты природы, родившей любовь, нас самих, – неистребимы:

Лада моя, Лада,
Только бы привстать,
Яблоневым садом
Подышать опять

Некоторым эти строки покажутся несовременными. Но для того живет и воюет словом и делом поэт за гармоничного человека, за его неотторжимость от природы.

Тишина ночи, музыка природы, свежесть земли... Отречься человеку от земли, от природы – гибель. Не зря Иван Ефремов, великий фантаст, крупнейший ученый, все свои произведения строил на идее спасения природы, возвращения человека в нее.

Алексей Марков не упрощает взаимную связь человека с природой. Поэт чисто поэтически переосмысливает ценности, философски размышляет:

Луны пронзительные тайны
И с той, и с этой стороны
Поэты пели не случайно,
В непостижимость влюблены!
Но вот изучено светило
Со всех таинственных сторон.
И потерял былую силу
Гитар подлунный перезвон.

Алексей Марков тянется к сильным темам, глубоко их переживает. Поэмы его написаны с большим размахом, коло-

ритом. И великий, под стать Петру I нравом и силой, Михайло Ломоносов, и крутогрудый Ермак Тимофеевич, качнувший сибирские просторы, и Емельян Пугачев, пошатнувший трон Екатерины, и революционный Кондратий Рылеев – умные, храбрые сыновья могучего русского народа.

Сила поэта – в народном слове, нужность поэта – в связи его с жизнью родного народа. И то, и другое – у Алексея Маркова есть. Есть в его стихах неувядаемость мысли и сила страсти:

В Сибирь, в Сибирь, в Сибирь

Шли день и ночь подводы.

Русь раздавалась вширь

В те молодые годы.

Идут, идут, идут

И нынче эшелоны

В края бездонных руд

И целины зеленой.

.....

В даль неумных рек,

В лесные океаны

Приходит человек

Хозяином желанным.

Со всех концов страны

Величественно-строгой

Твои, Ермак, сыны
Твоей идут дорогой.

Стихи Алексея Маркова, как теперь называют, «философские», – о покое, безмятежности, но не о той безмятежности, когда заботиться не о чем, нет – они о чутком, выстраданном и осмысленном спокойствии, готовом в единый миг подняться на защиту дорогого вечного бытия...

Вокруг его «я» группируются чувства и мысли, лепится «воображаемый мир», который не довлеет над темой, а лишь углубляет и очеловечивает строки стихотворения, делает достовернее и понятнее – «сегодняшнее».

Я лежу на граве, а кругом
Золотистая спелая рожь.
В этот час ни о чем, ни о ком
В моем сердце тоски не найдешь.
Надо мною плывут облака
Мотыльки лепестками летят.
Колоски пахнут хлебом слегка
Мчат стрижи, как столетья назад.

Вдруг прошла реактивного тень —
И вернулся я в нынешний день.

Сжатые, красочные стихи, идущие от истинной человече-

ности, реальных ощущений и забот. Состояние, переданное поэтом, методы и приемы мастерства тут нельзя отделить от темы, от общей атмосферы жизни.

Когда-то Михаил Исаковский раскритиковал это стихотворение. Но жизнь его продолжается. Почему? Да потому, что оно честно сработано. Люби ты его или не люби – достоинство стихотворения от этого не изменится. А это – ценный признак творчества Алексея Маркова, поэта неброского, но сильного земной силой.

Мы бываем щедры до расточительности. Поэтов у нас много. Хороших – бездна. Но время пришло упорядочить и учесть поэтическое хозяйство народа. Негоже, когда тот или иной хороший поэт годами, десятилетиями ждет признания, ждет доброй оценки. От похвалы, сказанной вовремя, умный человек не захмелеет, а будет упорнее и благодарнее трудиться.

Возмущенные, переходящие порой на «крик», обличительные стихи поэта – обратная сторона веселых и горьких, наполненных острым переживанием стихов:

Век мой – гордость мая!
Век мой – горесть моя!
Век, закованный в сталь,
Век, несущийся вдаль
На волшебной волне
К синим звездам, к луне.

И вполне уместно поэт настораживает своего читателя, как бы просвещает его:

Не удивляйтесь,
Коль, случится, туча
Отбросит на лицо
Нежданно тень
И станет взгляд мой
Строгим и колючим
Не каждый день
Сияет светлый день.

Отточенная, как стрела, страсть, – это влюбленность, крылатость, исповедальность русской души. Поэзия Алексея Маркова добра, музыкальна, романтична.

1980

Суд на Веге

В бурные шестидесятые годы волны литературного моря вздымались и гуляли от берега до берега, одна пенистее другой, из столицы долетали модные песенки, близкие своей расхожестью и «трагической глубиной» к одесским унылым песням под гитару. Докатывались гулкие строфы новорожденных «трибунов».

Жадно просматривая газеты и журналы, мы замечали, что лица, позы, одежда новых кумиров от Парнаса были чем-то схожи, может быть, неестественностью, напыщенностью, какой-то помпезностью и поразительно злой нервозностью. Нервозность – в критическом высказывании, нервозность – в любовном воздыхании, нервозность – в благородных чувствах к Родине.

К сожалению, истинное в литературе, в искусстве люди не сразу распознают в полной мере, а только – по итогам затрат энергии и разума на него, только тогда, когда срывает накопленный в них опыт...

А опыт – был. Опыт – родная наша литература. Это – Брюсов, Блок, Маяковский, Есенин. Опыт – Николай Тихонов, Владимир Луговской, Александр Прокофьев, Борис Ручьев, Павел Васильев, Алексей Недогонов, Василий Федоров.

Василий Федоров – поэт устремленный, не боящийся высоты вдохновения, высоты страсти, находящийся постоянно

в рабочем ритме. За многие годы моей любви к его прекрасному творчеству я не заметил ни разу, чтобы талант Василия Федорова где-то «затормозился», «впал в кризис», как часто говорят.

Василий Федоров – мастер. Мастер большой и своеобразный, сильный и резкий:

Я ночь люблю
За темноту ее,
Когда ни звезд
И ни луны при этом;
Люблю ее за то,
Что в жажде света
Сильней горит
Сознание мое.

Стихотворение сразу же делит мир контрастно: свет и тьма.

Как-то давно мне попала в руки небольшая книжечка стихов Василия Федорова. Помню, было это летом, сел я в перерыв у мартеновских ворот и начал читать. Читал, строго всматриваясь в слово, вникая в смысл. Первое чувство – удивление: новое имя, незнакомое мне, а стихи наполняют душу чем-то родным, близким, дорогим:

Скрипят нагруженные снасти,
В корму волна сердито бьет...
Купец Никитин Афанасий
Из дальней Индии плывет.

И вот я уже читаю вслух, сквозь лязг могучих кранов, гул раскаленных печей мартена. Я почувствовал, что мне близки эти строки. Стихи той поры, которые бесконечно мелькали в печати – об американских небоскребах, об африканских шаманах, о французских черепаховых супах и отбивных, – мне сильно надоели. Хотелось свежести, солнечности, родины – ее снегов, ее дождей, ее очищающих гроз:

Там где-то Русь,
Там Волги плесы,
Там Тверь!
Сродни морокой воде,
Соленые скупые слезы
Сбегают к русой бороде.

И тогда казалось, что эта американско-африканская «кочевая лирика» не даст пробиться – через свою жирную и мокрую зелень неконтролируемой бурной растительности – нежному родному березовому побегу, тихому грустному шелесту листвы...

Но плывет Афанасий Никитин домой. Волнуется. Радует-
ся. Плачет. Речь материнскую почти забыл:

Волнуясь, шепчет пилигрим:
— Аллах рагим... Аллах керим..—
Но вот
Нога земли коснулась,
И, словно к берегу прибой,
Речь русская к нему вернулась
И полилась сама собой.

Так это было давно! Но светлы мои чувства того часа
и по сей день. Как будто я сам возвратился на Родину. Как
будто это я почти забыл материнский язык... И пробудилось
во мне что-то такое, чему нет названия: сильное, доброе, свя-
тое, неодолимое!.. Уж не любовь ли это, не верность ли все-
му тому, что породило тебя, вырастило, обогрело?

Немного у каждого из нас, пишущих, есть любимых учи-
телей, кто когда-то подал нам руку. У меня таким учителем
был Василий Дмитриевич Федоров. Я с благодарной радо-
стью говорю об этом. Ведь уважать идущего впереди — ясная
и благородная радость!

Даже время не отдалило моего юношеского отношения
к поэту.

И я хорошо понял:

Пусть одинаков сорт,
Пусть цвет, похоже, красный,
Но разная земля —
И вкус у яблок разный.

И еще я понял тогда, как нелегка и как горька стезя поэта.
Ведь поэт — мука, протест, бессонница, бунтарство и только
иногда — торжество!..

Поэт — не только готовая поэма, готовая книга. Поэт—
ежедневная напряженная доля, ежечасная совестливая тос-
ка-укоризна. И, наконец, яростная борьба за свое призвание,
за свое достойное место.

Стихи Василия Федорова удивили и обрадовали меня
незыблемой и благородной уверенностью в их нужности, по-
лезности — они пришли к человеку не затем, чтобы тут же
выветриться из его памяти, а затем, чтобы остаться в его ду-
ше и осветить ее по-новому:

Березняк...
Заприметив кровлю,
Антенн еловые шесты,
Как перед первую любовью,
Вдруг оробел за полверсты
Свет Марьевка!
Но где же радость?
Где теплота?

Где встречи сладость?
Томительная виноватость
В груди отравой разлилась.

Это то, о чем шумят березы, о чем тихо плачут наши души, теряя на громких трассах тот единственный тайный свет жизни, которым одаривает тебя мать – на весь твой малый или длинный путь судьбы, но одаривает – только раз!..

Я стал искать книги Василия Федорова, и если не мог купить в магазине – его книги тогда выпускались редко и небольшими тиражами, – то выменивал их у тех, кто жадно копил на полках популярные сборники модных тогда стихотворцев. Я отдавал подобные сборники с благодарностью и брал в руки новую книжечку Федорова.

Тогда я не мог осмыслить происходящего, того, что делается в литературном океане... Я хотел видеть стихи, хотел видеть поэмы Василия Федорова в газетах, в журналах, хотел слышать его по радио и телевидению, искал на страницах еженедельников разговора о его творчестве и дивился – почему их нет...

И лишь вчитываясь в его стихи, я глубже и жестче представлял волю поэта, его неоспоримое право говорить:

Хочешь ведать,
Как писалось?
На душе

За жизнь мою
Все скипелось.
Все слежалось,
Отколю —
И выдаю.

Сколько же надо передумать, перемучиться, чтобы вот так беспощадно сказать!..

В творчестве Василия Федорова мы, начинающие поэты, увидели опору, нашли свои черты жизни, черты своей судьбы. В стихах и поэмах Василия Федорова бился пульс настоящей жизни человека и страны. Поэт Василий Федоров, входя в литературу вместе с юными и шумными стихотворцами, как бы показывал: вот так-то обстоят дела, поэзия — вещь лукавая, поэзия — тропа крутая, а время — время бывает разное...

Мир чувств и вопросов, которые нес в творчестве Василий Федоров, стал нашим, родным, и никто изъять его из наших душ уже не смог бы.

Василий Федоров стоял, как нам казалось, между теми поэтами, которые были далеки от нас по возрасту, по славе, как, допустим, Степан Щипачев, Николай Асеев, Михаил Исаковский, Виссарион Саянов, и теми, чуть ли не нашими ровесниками, чьи имена сейчас входят в поэтическую рубрику. Он — и это очень важно — соединял нас еще и с теми, кто был немного постарше его самого, но рано ушел из жизни.

ни: с Павлом Васильевым, Борисом Корниловым, Алексеем Недогоновым, Дмитрием Кедриным, Петром Комаровым, Павлом Шубиным. Они, рано ушедшие из жизни, но ярко заявившие о себе своими произведениями, будоражили наше воображение, и мы, безусловно, искали продолжения их в современном нам слове...

Для нас, заводских ребят той поры, Василий Федоров был не просто поэтом, не просто старшим опытным товарищем, но еще и другом, через которого мы слышали голоса тех, с кем не дала нам жизнь встретиться...

Их откровение звучало в стихах и поэмах Федорова:

Вождями,
Борцами,
Творцами,
Творивших основу основ,
Россия славна именами
Своих благодарных сынов.
От самых
Далеких времен
Мы с гордостью их проносили,
Хоть много имен у России —
Россия
Превыше имен.

Слово Василия Федорова мгновенно переходит от фило-

софии к поступку, от размышления к действию. Иные критики бесконечно уверяют читателя, мол, Василий Федоров – борец за доброту и красоту... Хочется мне спросить: а кто, какой поэт против доброты, против красоты? Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Кольцов, Никитин?.. Или Брюсов, Маяковский, Блок, Есенин?.. Великие поэты – великие борцы за доброту, за красоту человека. Все, кто иначе видит мир, не борцы за счастье.

Но сама доброта – вещь довольно безлика. На беспринципной доброте нередко всходят злые ростки... Доброта должна подчиняться разумной гражданской воле. А доброта в творчестве, мне кажется, должна быть наиболее ответственной частью дела; доброту надо завоевать поэту нелегкой судьбой, рыцарским правом слова:

Поэзия – Не строчка ловкая,
Что Музой томною
Подарена,
Поэзия – Железо ковкае,
Когда с нее
Слетят окалина.

Слово, как сам характер творца, обязано пройти через холод, жару, кипение, дабы закалиться и приобрести все элементы прочности и стойкости...

Вместе с тем Василий Федоров – действительно добрый

и красивый поэт. Доброта его мужественна и требовательна, красота – горьковата и возвышающая.

Мужество шло к поэту длинными и трудными дорогами. Огромная семья. Глухие житейские нерадости. Отец – в скитаниях по заработкам. Мать – в заботах о детях. Сибирь. Суровый край. Суровое время. Суровые судьбы близких.

Василий Федоров родился в 1918 году. Он – ровесник Октября, мужавший вместе со страной в трудных битвах и делах.

Какое же имеет право он, поэт, быть безотчетно добрым?! Поэт не батюшка-проповедник. Поэт – мыслитель и воин:

Велик твой путь,
И ноша нелегка,
Дробится камень
Под твоей стопою.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И все живу,
И все иду
С тобою.

Так он говорит в стихотворении «С тобой, Россия». Высшее мерило доброты, нравственности, чистоты душевной поэта – его отношение к Родине, к народу. Как бы ни изощрялись современные любители космополитических запад-

ных аудиторий, как бы ни декламировали о едином земном шаре, о едином земном человеке, безродная их душа никому не нужна. Безродная доброта их не что иное, как идейная размытость, инертность и бесформенность представления о жизни, слепота и бесклассовость их духа. Большой поэт всегда народен, всегда национален.

Пожалуй, сейчас в русской советской поэзии рядом с Василием Федоровым мало кого можно близко поставить, немного поэтов, которые с таким упорством и отвагой пронесли слово к гражданской вершине, где рождается независимость мысли, где созревает в полной мере ответственность перед собой и народом, перед временем и Родиной...

Будучи сибиряком, поэт внес чисто сибирские черты в нашу родную поэзию. Сибирь как бы укрепила и проверила на выносливость своего сына, прежде чем отправить его в большой путь. Долгие годы Василий Федоров работал на заводе, в рабочей атмосфере складывался внутренний взгляд поэта на сегодняшний мир.

Заводской мир ныне вошел в наш быт, в наше сознание. Рабочего человека воспели Шишков, Бажов, Каменский. Эта традиция не умирает. Вместе с Борисом Ручьевым и Василий Федоров осваивал рабочую тему, тему благороднейшую.

Прекрасный талант, упорный и честный труд, рабочая закалка, подкрепленная опытом жизни, опытом великой русской литературы, сделали Василия Федорова поэтом.

В его стихах и поэмах чувствуется широкое дыхание

не только природы, но железа и огня, того, что подчиняет и заставляет служить себе человек.

Василий Федоров – мастер стиха, мастер поэмы. В этом жанре он чувствует себя свободно, привычно. Им написаны целые циклы, книги поэм. От первой своей книги он прошел огромный творческий путь, усложняясь тематически, обогащаясь словом, вырастая граждански.

Талант Василия Федорова настолько ярок, что без федоровской «летописи» ныне нельзя иметь полное представление о современной русской поэзии.

Буйные, колоритные, сильные поэмы подарил Василий Федоров людям, литературе. Очень русский по характеру, он привел в нашу поэзию и очень русских своих героев и тем весьма пополнил чудесный мир нашей многонациональной литературы. Герои поэм Василия Федорова остро мыслящие, романтические, стойкие люди. Через большие изломы судеб, через порой невероятные душевные потрясения они приходят к мужественной доброте, высокой нравственной красоте. Так, герои поэмы «Седьмое небо» сами над собой вершат «неземной» суд ради чистоты жизни на земле, торжества человеческого духа, совести, таланта, красоты, во имя прогресса всего человечества.

По строкам федоровских поэм тяжело прошагал кремневый страстnodум и бунтарь протопоп Аввакум, грозой про-рокотал Бетховен, звездой просверкала над горизонтом богиня любви Венера... Приподнятость, крылатость, тревож-

ность— кровь поэта, которой наполнены звуки и ритмы федоровских стихов и поэм.

Большому и дано много!.. Сотни стихов. Десятки поэм. Очерки, повести, статьи. И это радостно видеть. Поэт живет многомерно, воодушевленно, жадно!.. Книга за книгой, поэма за поэмой движутся к читателю. Всем известно, что свет молнии стремителен и ярок. Талант – и есть свет молнии...

Павел Васильев прожил двадцать семь лет, а оставил столько стихов и поэм, что иному и за длинную жизнь не создать... Сергей Есенин, Борис Корнилов...

Я не говорю уже о Лермонтове или Пушкине.

И приятно, что Василий Федоров демонстрирует нам высокий класс работы: так прекрасно и так много им сделано!..

Поэма «Женитьба Дон-Жуана» – это роман в стихах. В этой поэме я вижу своего рода итог опыта и творческого пути поэта. Дон-Жуан, по-русски просто Жуан, проходит вроде бы по срезу жизни, по «геологическому» пласту времени, будучи сам продуктом и носителем этого времени, то есть «сыном своего века». В поэме ярко выразилось поэтическое мастерство Василия Федорова. Афористичность, звучность строфы, смелость поэта в обращении к острому нашему дню:

О, русские слова,
В них свет и тьма,
Их родила История сама,

Доверила с корнями русским людям,
Чтобы во многих смыслах не блуждать:
Как, например, «судить», и «рассуждать»,
И «рассудить»...
Да мы все время судим!
Но слово «суд» при всяком разговоре
Уже томит пред ощущением горя.

Василий Федоров – поэт своего времени. Честный, доблестно упрямый, он через годы несет «бремя» стихотворца, несет активно и верно. Шум листьев, трепет знамен, гул автострад – все вместило в себя вдохновенное слово поэта. По стихам и поэмам Василия Федорова я вижу работу многих поколений Отчизны, вижу путь, пройденный нашим народом.

Слово поэта активно в гражданском ритме стиха, не менее активно оно и в лирическом исповедальном разговоре:

Любил,
Как сон,
Прелестную,
С мечтой
И грустью в облике,
Любил полунебесную,
Стоящую на облаке.

Трудно судить, какие его стихи и поэмы лучше и ярче – те, которые посвящены деревне и городу, или те, в которых он пишет о любви, человеческой окрыленности, жизни и смерти, о смысле жизни.

Все для поэта – жизнь, все для поэта – страсть:

Передо мною

Новый трудный путь.

Помоги усталость мне стряхнуть,

Помоги от прошлого забыться.

Новые желанья пробуди,

Помоги душою обновиться

Для большого, трудного пути.

Интернационализм Василия Федорова проявляется в доброте, в заботе о человеке, о хлебе его насущном, в заботе о природе: ведь природа, как наш насущный хлеб и труд, необходима всему человечеству. Для Василия Федорова—гражданина земли, на которой загорелся красный огонь баррикад, поэта, несущего свет Революции, свет братства и равенства, – лозунги – пустые слова, если они не подкреплены искренними чувствами и конкретными делами. Братство на словах – насмешка над ним. Правда на словах – жалкая игра. В творчестве Василия Федорова все наши лучшие революционные заветы и заповеди воплощены в образы реально мыслящего художника...

Ездить, например, из края в край, из государства в государство и картинно заявлять, что мир – единое целое, что человек и человечество – звезда и космос, что все похожи друг на друга, что все родственно равны и почти одинаковы, – еще не значит быть на самом деле интернационалистом. Интернационализм – понятие классовое, революционное, как ты его ни толкуй, как ты его ни выворачивай.

Для меня легендарный поэт и воин туркменского народа Махтум Кули, сражавшийся мечом и словом с захватчиками, посягнувшими на его родную землю, более интернационалист, чем тот, кто проповедует интернационализм за пышными банкетами политических предателей, торгующих этим понятием...

В минуты тоски по отеческому краю Махтум Кули сказал:

Мой ум ничтожен
Вдали от Родины!..

Сколько горького смысла за этой фразой, сколько огненного желания действовать, сражаться! Сражаться за настоящую, необходимую тебе и твоим близким правду – сражаться за общее священное дело на планете...

Василий Федоров яростен в слове, богат в красках и движениях слова, но не поспешен в стремлении насладиться известностью, насытиться славой. Ему нужен и понятен труд другого поэта, дорог авторитет и судьба поэта.

Ныне немало стихов и поэм, похожих на синтетические новогодние елки; и цветом эти елки зеленые, и колючки у них густые и тонкие, и пирамидальная продолговатость елок учтена, и доступны они, а вот нет в них того родного, того пахнущего смолистой древностью уюта, ласки природы...

У Василия Федорова слово – летящая стихия. Эта стихия и есть божественный огонь поэта, его неистребимая сила.

Сколько раз я ловил себя на мысли: поэзия, как работа с огнем, работа с металлом, требует от человека и ловкости, и сметки, и, конечно, храбрости.

Я всегда относился и отношусь к Василию Дмитриевичу с чувством благодарности. Но однажды, по моей вине, между нами произошла короткая, но весьма темпераментная ссора, вызванная окружившей нас в тот момент сумятицей и разногласием случайной публики. Я тяжело переживал это. И как-то, первым, попробовал примирить наши души, протянул Василию Дмитриевичу руку, но в ответ услышал: «Погодите, я еще должен уточнить кое-какие моменты вашего поведения, тогда решу, как мне вести себя при встречах с вами!» Я не обиделся, думая, что он прав, что нельзя было вот так с бухты-барахты терять мужскую дружбу, как нельзя теперь вот так с бухты-барахты отмахнуться от происшедшего.

Разница в возрасте, разница сделанного – поле, через которое уважающий себя и свое призвание молодой поэт не побежит опрометчиво, не ползет по-свойски обнимать-

ся, не дерзнет хмельно похлопать по плечу седого, знаменитого честным талантом старшего брата. Не дерзнет! А если Дерзнет – цена ему, как говорил Твардовский, пятнадцать копеек в базарный день...

Не о таком ли витии слухов заметил и Василий Федоров:

Все ворочают умами
Ходит Пушкин
Между нами!
Где же?
Видимо, сей бард
Не имеет бакенбард.

Одно дело – читать поэта и вздыхать о том, что вот и мне бы покататься по Африке, и мне бы покричать на парижской эстраде стихи, попробовать американского «виски» в праздничном кругу аристократов; другое дело – читать стихи поэта и все время ловить себя на том, что ведь и ты болеешь этим горем, и ты мучаешься этой заботой, и ты видишь, как уплывает в синие туманы родная обезлюдевшая деревня, как стареет твоя одинокая мать, видишь, как по вечерам сидят в темных одеждах на покосившихся завалинках старухи, вдовы, рано сникшие от труда и горя русские верные невесты, жены-солдатки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.